

VI $\frac{6}{8}$

Годъ 5-й.

Кн. XVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи.

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1893, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1893.

ф-213-хлм

САЛАРЫ.

(Этнографическій очеркъ).

Предисловіе.

Занявшись изученіемъ быта и проплаго дунганъ, перешедшихъ къ намъ добровольно изъ Китая въ концѣ 1877 года, я вскорѣ, какъ отъ самихъ дунганъ, такъ и отъ начитанныхъ мусульманъ и главнымъ образомъ татаръ, проживающихъ въ селеніи Токмакъ, узналъ, что одно изъ главныхъ мѣстъ пребыванія дунганъ—это мѣстность Саларъ въ китайской провинціи Хань су, въ округѣ Хэ-чжоу, и вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, что мѣстность эта также считается главнымъ очагомъ мусульманъ—китайскихъ подданныхъ. Подтвержденіе этому я нашелъ и въ свѣдѣніяхъ, приводимыхъ Риттеромъ въ его „Землевѣдѣніи“, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „въ горахъ, къ западу отъ Яркяни, и лежатъ, должно полагать, тѣ неизвѣстные намъ *Саларъ* и *Сейрамъ*, гдѣ, по рассказамъ меккскихъ паломниковъ, находится родина Тунгани. Замѣчательно также, прибавляетъ Риттеръ, что меккскіе паломники согласуются съ А. Борнсомъ относительно существованія между тунганіями преданія объ Александрѣ Великомъ. Если вѣрить этому преданію, то Александръ доходилъ до *Салара* и *Сейрама* и поселилъ тамъ часть своихъ воиновъ, отъ которыхъ и происходятъ тунгангійцы“¹⁾. Свѣдѣніе это, заимствованное Риттеромъ отъ меккскихъ паломниковъ, пробѣжавшихъ черезъ Бомбай въ 1835 году, нѣсколько невѣрно, по крайней мѣрѣ, касательно опредѣленія мѣстоположенія Салара по отношенію къ

1) Землевѣдѣніе К. Риттера. Географія странъ Азіи, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россіею. Восточный или Китайскій Туркестанъ, переводъ и примѣчанія В. В. Григорьева. Вып. I, стр. 108—109. Ө. П.

✓ Яркяни (Яркенду). Саларь лежитъ отъ Яркенда не на западъ, какъ говорится у Риттера, а на юго-востокъ и притомъ на весьма далекомъ отъ него разстояніи, о самихъ же обитателяхъ этой мѣстности, саларахъ, совсѣмъ ничего не упоминается. Неизвѣстный авторъ прекрасной статьи „О магометанахъ въ Китаѣ“ ¹⁾, помѣщенной въ IV томѣ „Трудовъ Пекинской Миссіи“ за 1859 годъ, говоритъ: „въ сѣверо-западномъ углу внутренняго Китая, рядомъ съ первобытными обитателями края, полудикими тангутами, обитаетъ магометанская колонія уйгуровъ (изъ Хамило), по мѣсту жительства называемая Саларь, а по жилищамъ — черноюртною. Со времени монгольскаго владычества, саларцы имѣли свое управленіе въ лицѣ наслѣдственнаго тысячника. По вѣрѣ и религіознымъ обычаямъ они близки болѣе къ китайскимъ магометанамъ, чѣмъ къ туркестанцамъ, и если сохранили нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи, то это произошло отъ разобщеннаго положенія ихъ. Раздѣлялись они на 12 гуновъ (кочевьевъ или родовъ—неизвѣстно), изъ которыхъ въ каждомъ былъ особый глава, духовный; кромѣ того, былъ надъ всѣми высшій, особый глава вѣры“.

✓ Какъ видно изъ вышеприведеннаго, этотъ авторъ съ положительностью называетъ саларовъ уйгурами; если такъ, то эти салары заслуживаютъ нашего глубокаго вниманія. Какъ извѣстно, первоначальной родиной уйгуровъ считается сѣверо-восточная

1) По указанію *Ал. Ар. Ивановскаго*, означенная статья принадлежит о. Палладію. Кромѣ того, по литературѣ о Саларахъ г. Ивановскій присоединяетъ слѣд. замѣчанія:

а) Была замѣтка Гейнса въ „Воен. Сборн.“ за 1864 г. (или около этого) о Кульджинскомъ краѣ, гдѣ онъ касается дунганскаго возстанія и говоритъ о саларахъ, какъ центрѣ мятежа.

б) Упоминаетъ о саларахъ и Н. М. Пржевальскій, но принимаетъ ихъ за тангаутовъ, т. е. за племя тибетскаго языка.

в) Черезъ Саларскую землю проѣхалъ первый европеецъ—миссіонеръ англійскій Паркеръ; небольшая его замѣтка помѣщена въ миссіонерской газеткѣ „Inland China Mission“.

г) Изъ русскихъ путешественниковъ посѣтилъ землю саларовъ Г. Н. Потанинъ (если не ошибаюсь) въ 1885—86 г. Съ дороги онъ послалъ тогда письмо о саларахъ въ И. Р. Г. Общ., которое и напечатано въ „Извѣстіяхъ“ этого Общества. Болѣе подробныя свѣдѣнія (съ приложеніемъ словаря) о саларахъ напечатаны г. Потанинымъ въ невышедшемъ еще его отчетѣ о послѣднемъ путешествіи въ Китай.

часть Монголіи и часть нынѣшней Сибири, гдѣ они жили по берегамъ озера Байкала, рѣки Селенги и др.; въ верховьяхъ рѣки Орхона находилась знаменитая ихъ столица Каракорумъ. Еще во времена доисторическія они перешли Великую песчаную пустыню и заняли крайніе предѣлы нынѣшняго восточнаго Туркестана, гдѣ китайцы уже за два столѣтія до Рожд. Хр. нашли многіе цвѣтущіе города, изъ которыхъ Пичанъ, или позже Гао-чанъ (близъ нынѣшняго Турфана), считался столицею Уйгурскаго царства. Вскорѣ уйгуры распространились по всему восточному Туркестану и заняли также почти все пространство, занимаемое нынѣшней Илійской долиной, до самаго озера Балкаша,—это было второе отечество уйгуровъ. Господствующая религія была между ними сначала буддійская, а послѣ—христіанство несторіанскаго толка; отъ несторіанъ же уйгуры заимствовали и азбуку. Ранніе китайскіе путешественники нашли здѣсь, къ своему удивленію, правильно устроенное политическое и гражданское управленіе, гдѣ господствовало правосудіе и развита была торговля.

Но замѣчательное уйгурское царство, какъ извѣстно, было стерто съ лица земли Чингисъ-ханомъ. Спасаясь отъ этого всеуничтожающаго знаменитаго человѣкоистребителя, нѣкоторые изъ уйгурскихъ племенъ бѣжали и укрылись въ сѣверо-западной части Китая, въ окрестностяхъ озера Кукунора, а также по небольшимъ оазисамъ, разбросаннымъ среди обширныхъ песчаныхъ пустынь восточнаго Туркестана. Живя здѣсь изолированно, они берегли свой родной языкъ, свои нравы и обычаи, тѣмъ болѣе, что сохраненію ими своей племенной индивидуальности и обособленности способствовало, между прочимъ, и то обстоятельство, что они заняли трудно-доступныя въ горахъ ущелья и долины, не отличающіяся ни плодородностью почвы, ни избыткомъ какихъ бы то ни было естественныхъ богатствъ.

Такимъ же образомъ, надо думать, поселились когда-то и салары на занимаемыхъ ими теперь мѣстахъ. Есть ли эти салары, дѣйствительно, потомки когда-то могущественныхъ и славныхъ уйгуровъ, какъ то утверждаетъ положительно авторъ вышеприведенной статьи, я рѣшать не берусь, да это и преждевременно; но только историческіе свидѣтельства и факты не противорѣчатъ подобному заключенію, тѣмъ болѣе, что салары, какъ по типу, такъ и по языку, принадлежатъ къ тюркамъ, что будетъ видно

изъ нижеприведенныхъ данныхъ. Уйгуры же, какъ извѣстно, говорили древнетюркскимъ нарѣчіемъ и имѣли свои, особые, уйгурскія письма, называемыя нѣкоторыми авторами также древнетюркскими. Что это были за письма и насколько они были отличны отъ несторіанскихъ, это остается и до сихъ поръ вопросомъ нерѣшеннымъ; но надо думать, что рѣшеніе столь важнаго вопроса близится къ концу, такъ какъ прошлымъ лѣтомъ были произведены, въ обширныхъ размѣрахъ, археологическія изслѣдованія академикомъ Радловымъ и Н. М. Ядринцевымъ на мѣстѣ древней столицы уйгуровъ—Каракорума, т.-е. въ первомъ ихъ отечествѣ. Изслѣдованія эти обѣщаютъ пролить свѣтъ на одну изъ глубоко интересныхъ и поучительныхъ страницъ въ исторіи человѣческой культуры и языка, такъ какъ ключъ къ разгадкѣ древнетюркскаго языка, а слѣдовательно и уйгурской культуры, по моему мнѣнію, должно искать въ двухъ мѣстахъ, а именно: это сѣверовосточная часть Монголіи и въ частности верховья рѣки Орхона, гдѣ находился знаменитый Каракорумъ, и въ предѣлахъ восточнаго Туркестана, гдѣ стоялъ древній Гао-чанъ (близъ нынѣшняго Турфана). Результаты изслѣдованій академика Радлова и Н. М. Ядринцева отчасти уже опубликованы, но еще долго прійдется ожидать подобныхъ же изслѣдованій во второмъ отечествѣ уйгуровъ, т.-е. въ восточномъ Туркестанѣ. Производству этихъ изслѣдованій, какъ извѣстно, мѣшаютъ пока чисто внѣшнія обстоятельства, и это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что археологическія изслѣдованія, произведенныя въ указанномъ мѣстѣ, должны служить прямымъ и непосредственнымъ продолженіемъ уже произведенныхъ вышеупомянутыми знаменитыми нашими учеными въ первомъ отечествѣ уйгуровъ, т.-е. въ сѣверо-восточной Монголіи, на мѣстѣ древняго Каракорума.

Но если не представляется возможности въ ближайшемъ будущемъ произвести археологическія изслѣдованія въ центральной Азіи и въ особенности на мѣстахъ, насъ интересующихъ, то весьма важно и вполне своевременно было бы произвести антрополого-этнографическія и лингвистическія изслѣдованія надъ различными племенами, обитающими съ незапамятныхъ временъ въ крайнихъ предѣлахъ восточнаго Туркестана и сѣверно-западной части Китая, остающимися, къ сожалѣнію, и до настоящаго времени неизвѣстными. Къ числу такихъ племенъ принадлежатъ и салары.

Года полтора—два тому назадъ, перебирая имѣющуюся у меня скудную литературу по народовѣдѣнію Азіи, я случайно наткнулся на статью проф. В. П. Васильева: „Китайцы—новые подданные Россіи.“ Статья эта написана по поводу добровольно переселившихся къ намъ дунганъ изъ Китая въ концѣ 1877 года. Въ этой статьѣ нашъ маститый ученый, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „очень немудрено, что между ними (т.-е. между переселившимися добровольно къ намъ дунганами) попадаются даже тѣ знаменитые салары, которыми не поинтересовался ни одинъ ни русскій, ни европейскій путешественникъ, заглядывавшій въ провинціи Ганьсу и Шаньси. Этими саларами населена цѣлая область (Хечжоу), и о нихъ говорятъ, что они сохранили внутри Китая свой языкъ, не то татарскій, не то персидскій, что чрезвычайно любопытно, такъ какъ они могли зайти туда никакъ не позже Чингисъ-хана“ ¹⁾.

Какъ видимъ, проф. Васильевъ, голосъ котораго въ данномъ вопросѣ является безусловно авторитетнымъ, точно также считаетъ саларовъ поселившихся на нынѣ занимаемыхъ ими мѣстахъ никакъ не позже Чингисъ-хана, т.-е. послѣ того времени, когда этотъ воитель разгромилъ и уничтожилъ Уйгурское царство. Это мнѣніе такого специалиста и глубокаго знатока исторіи азіатскихъ народовъ будетъ также служить вѣскимъ подтвержденіемъ того, что нѣкоторые племена, родственныя древнимъ уйгурамъ, заняли сѣверо-западную часть Китая и поселились въ немъ не ранѣе указываемаго времени. Что же касается до того, чтобы между переселившимися къ намъ дунганами были и салары, то таковыхъ, по крайней мѣрѣ, между дунганами, поселенными въ Токмакскомъ уѣздѣ, не оказалось. Я зналъ только, что есть въ Токмакѣ одна саларская женщина замужемъ за дунганиномъ, и что находится будто-бы очень не много саларовъ и ихъ семействъ среди дунганъ, живущихъ въ Иссыкъ-Кульскомъ уѣздѣ; но такъ какъ, за дальностью разстоянія, этого показанія не пришлось провѣрить, то я и не ручаюсь за его достовѣрность.

Всѣ вышеизложенныя причины побуждали насъ искать случая, по возможности, познакомиться съ этими неизвѣстными, по край-

¹⁾ Восточное Обозрѣніе за 1884 годъ, № 2. Передовая статья проф. Васильева: „Китайцы—новые подданные Россіи,“ стр. 2.

ней мѣръ для меня, людьми, тѣмъ болѣе, что эти салары имѣли какое-то, остававшееся непонятнымъ для меня, отношеніе къ продолжающимъ интересоваться меня дунганамъ. И вотъ, въ концѣ 1890 года въ нашемъ глухомъ и отдаленномъ краѣ случилось одно незначительное событіе, никѣмъ, кажется, не замѣченное только потому, что оно было дѣйствительно ужъ очень маленькое. Дѣло въ томъ, что судьбѣ угодно было послать намъ прошлой зимой двухъ саларовъ, которые, идя на поклоненіе въ Мекку, зашли въ Токмакъ и Пишпекъ, гдѣ и остановились на довольно продолжительное время, частью по случаю зимняго времени, а частью, и это главное, чтобы собрать среди своихъ единовѣрцевъ-мусульманъ нѣсколько денегъ на дорогу. Извѣщенный объ ихъ прибытіи, я воспользовался случаемъ собрать отъ нихъ кое-какія свѣдѣнія объ ихъ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ, а также записать наиболѣе общеизвѣстныя и общеупотребительныя ихъ слова и нѣсколько предложеній, чтобы имѣть хотя небольшое понятіе объ оборотахъ ихъ рѣчи. Къ счастью, при этомъ, прибывшіе салары оказались людьми добродушными и довѣрчивыми, которые охотно сообщали намъ свѣдѣнія о своемъ житьѣ-бытьѣ. Кромѣ того, для болѣе успѣшнаго выполненія предстоящей задачи, я пригласилъ принять участіе въ этой работѣ учителя въ дунганскомъ селеніи Каракунузъ, В. О. Ладыгина, знающаго хорошо китайскій языкъ и нѣсколько тюркскихъ нарѣчій и притомъ, какъ человѣка, весьма интересующагося этнографіей здѣшнихъ инородцевъ. В. О. Ладыгинъ съ большою готовностью принялъ мое предложеніе, и такимъ образомъ статья о саларахъ есть результатъ совмѣстной нашей работы. Что статья эта страдаетъ многими недостатками и отсутствіемъ надлежащей полноты,—понятно само-собою; но что мы могли, то и сдѣлали. Трудность при настоящей работѣ еще заключалась и въ томъ, что эти салары совсѣмъ плохо говорили по-китайски, или, что тоже, по-дунгански, и нужно было нѣкоторое время, чтобы привыкнуть къ ихъ своеобразному выговору и нарѣчію. По мнѣнію г. Ладыгина, эти салары говорятъ нарѣчіемъ наиболѣе подходящимъ къ таранчинскому и отчасти къ киргизскому, такъ что на основаніи этого отзыва должно заключить, что корень саларскаго языка безспорно будетъ тюркскій, а къ какому нарѣчію онъ ближе всего подходитъ, пусть рѣшаютъ уже специалисты филологіи и знатоки тюркскихъ нарѣчій.

Предлагая на судъ людей компетентныхъ настоящую статью, я далекъ отъ мысли, чтобы она представляла собой одно лишь новое о сalaraхъ, тѣмъ болѣе, что со времени вышецитированной статьи проф. Васильева прошло уже восемь лѣтъ; слѣдовательно, за это время могли появиться обстоятельныя свѣдѣнія о сalaraхъ, какъ въ иностранной, такъ и въ русской литературѣ; но мнѣ, живущему въ Пишпекѣ, таковыя, конечно, недоступны. Что сообщенія о сalaraхъ должны бы уже быть, это между прочимъ мы заключаемъ на основаніи полученныхъ нами свѣдѣній. По словамъ видѣнныхъ нами сalarовъ, около трехъ лѣтъ тому назадъ ихъ посѣтилъ какой-то европейскій путешественникъ, пріѣзжавшій къ нимъ съ однимъ дунганиномъ. Пробывъ у нихъ три дня, онъ за это время осмотрѣлъ всѣ восемь сalarскихъ деревень. Напечатанъ ли гдѣ отчетъ этого европейца о его поѣздкѣ къ сalaraмъ, я не знаю. Нѣкоторыя свѣдѣнія, добытыя нами, мы провѣряли черезъ дунганъ, жившихъ еще такъ недавно совместно съ сalaraми и поэтому хорошо знающихъ ихъ бытъ и нравы...

Ө. Поярковъ.

1. *Названіе сalarскихъ деревень и приблизительное число семействъ въ каждой изъ нихъ; дѣленіе деревень на приходы. Характеръ мѣстности, занимаемой сalaraми.*—Салары живутъ въ гористой мѣстности между городами Ланъ-чжоу и Хэ-чжоу въ восьми деревняхъ, которыя раздѣляются ими на четыре нижнія („хасы-гунъ“) и четыре верхнія („шань-сы-гунъ“) деревни.

Нижнія деревни носятъ слѣдующія названія: первая—*Чжань-га-гунъ*. Разстояніе отъ г. Хэ-чжоу около 200 ли; на юговостокъ отъ нея идетъ горный хребетъ Дарч-жа-шань съ переваломъ Дарч-жа-бойнохъ, черезъ который путь ведетъ въ Тибетъ. Населенія около 1300 семействъ. Въ трехъ ли отъ Чжань-га-гуня на западъ находится вторая деревня—*Нэ-мань-гунъ* съ населеніемъ около 600 семействъ. Отъ этой деревни въ 30 ли на сѣверъ—третья де-

ревня *Тинь-шюй-гунь* (Сэнгеръ*); отъ нея въ 10 ли на западъ, въ углу, образуемомъ рѣкою Хоан-хэ и небольшимъ притокомъ Озёнъ (саларское названіе), стоитъ небольшая крѣпостца *Сюн-ху-акинъ*, въ которой помѣщается до 300 челов. китайскаго войска. Въ 30 ли на юговостокъ отъ Тинь-шюй-гуни стоитъ четвертая деревня *Минь-да-гунь*, которая дѣлится на три части: первая — западная называется Му-чанъ (Ак-шиле), вторая — средняя Та-са-пу (Ич-ак-шиле) и третья — восточная, находящаяся за переваломъ Дон-лон-бойнохъ, носитъ названіе собственно Минь-да-гунь (Че-цзы). Первые двѣ части отстоятъ одна отъ другой въ одномъ ли, а третья въ пяти ли; во всѣхъ трехъ частяхъ этой деревни около 800 семействъ. Послѣднія двѣ деревни (т. е. Тинь-шюй-гунь и Минь-да-гунь) отдѣляются другъ отъ друга двумя небольшими горными хребтами, идущими съ сѣвера на югъ. Хребты эти у саларовъ называются: одинъ — Улю-Марпо (Большой Марпо) и другой — Кичи-Марпо (Малый Марпо). Къ западу отъ деревни Минь-да-гунь идутъ сплошныя горы, называемыя Со-тунъ-шанъ (Да-гуанъ); разстояніе отъ этой деревни до г. Хэ-чжоу, прямой дорогой, черезъ горы — сутки ѣзды.

Верхнія деревни носятъ слѣдующія названія: первая — *Гези-гунь* (Алтуй-ли), около 700 семействъ; разстояніе отъ Хэ-чжоу болѣе 200 ли. На сѣверъ отъ нея будетъ вторая деревня *Ча-чжа-гунь* (Чага), около 900 семействъ. Въ пяти ли на сѣверо-востокъ отъ предыдущей — третья деревня *Хоан-сы-чжан-гунь* (Имаму-чжанъ), около 700 семействъ, и отъ этой послѣдней въ 30 ли на сѣверо-западъ, и въ 250 ли отъ Хэ-чжоу на западъ — четвертая деревня *Чалан-да-сылунъ*, съ населеніемъ около 600 сем.

Какъ видно изъ этого, салары живутъ большими деревнями и очень скученно; наибольшее разстояніе одной деревни отъ другой не превышаетъ 30 ли, т. е. около пятнадцати верстъ. Надо полагать, что чисто внѣшнія обстоятельства заставили ихъ селиться такъ близко, а именно: опасность частыхъ нападеній не только со стороны тангутовъ и другихъ кочевниковъ, но еще большая опасность со стороны многочисленныхъ и сильныхъ ки-

(*) Послѣ китайскаго officialнаго названія деревни въ скобкахъ рядомъ съ нимъ поставлено саларское названіе, хотя послѣднимъ названіемъ обозначены не всѣ деревни.

тайцевъ заставили саларовъ тѣсно сплотиться между собою и замкнуться въ трудно-доступныхъ ущельяхъ и горныхъ долинахъ. Очевидно, что въ данномъ случаѣ руководило ими и чувство самосохраненія, а относительная ихъ малочисленность, сравнительно съ другими окружающими ихъ народами и племенами, была причиной того, что они избрали для своего постоянного жительства мѣстность суровую и мало привлекательную для ихъ сосѣдей. Это послѣднее обстоятельство дало имъ возможность въ теченіе длиннаго ряда столѣтій сохранить свой языкъ, свои родные нравы и обычаи.

Свои деревни салары дѣлятъ на приходы. Приведемъ названія приходовъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Въ деревнѣ *Чжан-га-гунь* слѣдующіе приходы: 1) Нао-цзя, 2) Лу-нунь, 3) Ёре-ахарь, 4) Эше-ахарь, 5) Чжан-га (въ этомъ приходѣ самая большая мечеть), 6) Ничжа-гымъ, 7) Чжиг-ры, 8) Лёвень, 9) Цзяму, 10) Чогонкэ, 11) Темиштамъ и 12) Сангинъ. Въ деревнѣ *Ча-чжа-гунь*: 1) Янкурянь, 2) Кохларь, 3) Ёхтёгенъ, 4) Боля-гымъ, 5) Субаши, 6) Ян-заръ и 7) От-бойнохъ. Въ деревнѣ *Чаган-да-сы-гунь*: 1) Жюз-арамъ, 2) Охт-арамъ, 3) Учж-арамъ, 4) Су-чжа-агалъ и 5) Су-чзя-актамъ. Приблизительно въ каждомъ приходѣ заключается около ста съ небольшимъ семействъ.

По рѣкѣ Хоан-хэ (Желтая рѣка, на языкѣ саларовъ—Мөрель) стоятъ слѣдующія деревни: 1) Минь-да-гунь, 2) Тинь-шюй-гунь, 3) Хоан-сы-чжа-гунь, 4) Чаган-да-сы-гунь, 5) Гези-гунь и 6) Чачжа-гунь. Деревни же Нэмань-гунь и Чжан-га-гунь отъ этой рѣки приблизительно на 30—40 ли. Мѣстность, занимаемая саларами, сухая, гористая; хлѣбъ здѣсь плохо родится; горы безлѣсныя, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ расположена деревня Минь-да-гунь; на этихъ горахъ въ достаточномъ количествѣ растутъ тополь, карагачъ, ива и грецкій орѣхъ („гхос“). Самые жаркіе мѣсяцы это—5-й и 6-й, самые холодные—10-й и 11-й. Туманы не часты, въ недѣлю разъ—два, остальные дни—ясные. Дожди падаютъ рѣдко, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, а иногда въ два—три мѣсяца выпадаетъ всего одинъ дождь.

2. *Преданія саларовъ о ихъ происхожденіи.*—О приходѣ саларовъ на мѣста, которыя они занимаютъ въ настоящее время, у нихъ существуетъ слѣдующее преданіе. Предки ихъ жили когда-

то въ мѣстности, называемой Емѣнъ или Іемѣнъ. Во времена Тимуръ-паши нѣсколько семействъ изъ Іемѣна и Самарканда вздумали поискать другихъ, болѣе счастливыхъ мѣстъ для своего жительства. Всего жаждающихъ переселенія нашлось сорокъ семействъ съ женами и дѣтьми. Тимуръ-паша далъ имъ на дорогу одного бѣлаго верблюда, навьюченнаго золотомъ, серебромъ и многими другими драгоценными вещами и, кромѣ того, далъ одинъ фунтъ земли изъ Іемѣна, приказавъ имъ остановиться на житье только тамъ, гдѣ они найдутъ точно такую же землю, какъ и данная имъ изъ Іемѣна. Долго шли они, наконецъ дошли до гористой мѣстности за Сининомъ. Дошедши до этого мѣста, бѣлый верблюдъ остановился и не пошелъ далѣе, да при этомъ и порода земли, по сравненіи, оказалась точно такою же, какую они получили отъ Тимура. Здѣсь эти сорокъ семействъ остались жить навсегда, а отъ нихъ будто бы и произошли нынѣшніе салары.

Понятное дѣло, что преданіе это, въ смыслѣ исторической дѣйствительности, не выдерживаетъ никакой критики, но надобно замѣтить, что оно довольно распространено между здѣшними мусульманами. Я слышалъ его уже давно, и при томъ неоднократно, отъ татаръ и сартовъ, проживающихъ въ селеніи Токмакъ.

Другой вариантъ этого преданія слѣдующій: когда-то въ Самаркандѣ вышла партійная вражда между нѣкоторыми жителями этого города. Виновнымъ изъ нихъ Шей-хъ приказалъ удалиться, давъ имъ немного воды и земли самаркандской и одного бѣлаго верблюда, причемъ Шей-хъ сказалъ имъ, чтобы они остановились на житье только тамъ, гдѣ найдутъ землю и воду, которыя какъ по объему, такъ и по вѣсу будутъ равны съ землею и водою, полученными ими изъ Самарканда, и гдѣ въ то-же время остановится бѣлый верблюдъ. Въ первый разъ они свѣсили и сравнили воду и землю въ Ланъ-чжу, но земля и вода самаркандская оказалась гораздо тяжелѣе земли и воды Ланъ-чжуской, да и бѣлый верблюдъ здѣсь не остановился. Они пошли далѣе и достигли мѣстности, теперь ими занимаемой. Сравнивъ здѣшнюю воду и землю съ Самаркандской, они нашли, что какъ объемъ, такъ и вѣсъ той и другой земли и воды одинаковы между собою, и бѣлый верблюдъ остановился здѣсь же у одного ключа („юл-су“) и камень на большомъ плоскомъ камнѣ; камень этотъ и до сихъ поръ показывается и называется „дѣ-вѣ-башъ“. Эти выходцы

изъ Самарканда въ числѣ сорока семействъ поселились навсегда здѣсь жить; они-то и есть, будто-бы, предки настоящихъ саларовъ.

3. *Жилища*.—Характеръ постройки домовъ у саларовъ одинаковъ съ дунганскими домами; послѣдніе же всѣ безъ исключенія глинобитные („торох-ой“, что въ переводѣ значить земляной домъ). Бѣдные дѣлаютъ себѣ одну—двѣ комнаты, а болѣе зажиточные—отъ трехъ и до четырехъ; у послѣднихъ встрѣчаются и двухъ-этажные („ровах“) дома. Комнаты устраиваютъ не большія и не высокія; въ каждой комнатѣ обязательно тотъ же канъ („охкан“), какъ и у дунганъ, застланный войлокомъ („чѣх“ или „чеех“). На канѣ маленькій столикъ („сир“ или „шир“). Нерѣдко въ саларскихъ домахъ можно встрѣтить китайскій столъ („го-цзѣ“) на высокіхъ ножкахъ (по китайски „гао-цзе“, значить: высокія ножки), китайскія табуретки („вза“, китайское „ицза“), скамьи („бань-динь“, кит. „бань-день“). На стѣнахъ, какъ украшенія („дуй-цзы“), можно найти китайскія картины, а также изображенія видовъ Мекки и другихъ священныхъ мѣстъ съ изреченіями изъ корана. Подобныя картины заносятся обыкновенно благочестивыми богомольцами, совершившими паломничество въ Мекку и оттуда благополучно возвратившимися. Вдоль стѣнъ устраиваютъ полки („чжябань-тохта“), гдѣ ставятъ чашки („ча-чжунь“, правильно по-китайски „ча-чжун-цзы“ или „ча-вань-цзы“), блюда („серу“), тарелки („товах“), большія мѣдныя или желѣзныя блюда („янь-пань“, слово чисто-китайское). Въ комнату пропускаетъ свѣтъ одно или два окна („теречже“, по-киргизски „терезе“); окна обыкновенно безъ стеколъ, а заклеены бумагой („хачы“). Двери („гау“ или „га“), какъ и у дунганъ, небольшія, деревянныя, и почти всегда двустворчатые и обращены на югъ.

4. *Одежда*.—Рубашка („чамча“) и штаны („пштан“) у мужчинъ покроя такого-же, какъ у китайцевъ и дунганъ. Шалка остроконечная („дань-зорах“); лѣтомъ взрослые носятъ таковую изъ бѣлой, а дѣтямъ дѣлаютъ изъ цвѣтной матеріи, зимою же носятъ овчинныя шапки, мѣхомъ внутрь, съ короткимъ острымъ верхомъ и широкими полями, которыми въ зимнее холодное время закрываютъ лобъ, уши и затылокъ. Шапки такой формы встрѣчаются и у семирѣченскихъ киргизовъ. У саларъ эта зимняя шапка

называется „тери-зорах“. Халатъ лѣтній („дань-дѡн“) безъ ваты, и зимній стеганный на ватѣ („чжо нагань-дѡн“); тотъ и другой одинаковаго покроя, какъ и у киргизовъ, различіе только въ расположеніи завязокъ и ихъ числѣ; послѣднія у саларовъ дѣлаются лишь на груди и ниже пояса, всего въ двухъ мѣстахъ. Кромѣ того, изъ овчинъ дѣлаютъ шубы или тулупы „тердѡн“, сдѣланные же изъ какого либо другого мѣха называются „ишмѣх“. Какъ видно, въ одеждѣ салары не придерживаются какого-либо однообразія; частью они переняли форму одежды отъ китайцевъ или дунганъ, а частью сохранили, надо полагать, свою племенную форму, или же позаимствовали ее отъ ближайшихъ тюрковъ.

Обувь составляютъ сартовскіе „максы“ или „ичиги“, съ короткими голенищами, длиною не болѣе одной четверти. Ичиги (по-саларски „мѣсаха“) такой формы имѣютъ право носить только муллы и ахуны, причемъ поверхъ ичиговъ они надѣваютъ матерчатые башмаки („хай-цзы“), такіе же, какъ и у дунганъ; въ дорогѣ или въ непогоду употребляютъ кожаные бродни съ завязками („лоте“). Остальной народъ дома и въ дорогѣ носитъ „хай-цзы“ и бродни.

Мужчины отпускаютъ косы, причемъ вплетаютъ въ нихъ черные шелковые шнурки („сосанъ леньцзы“), числомъ до восьми „сар“ („сар сѣкыс сѣдыр“).

Одежда саларскихъ женщинъ во всемъ походитъ на одежду дунганокъ, только вслѣдствіе бѣдности саларки одѣваются просто; шелковыя матеріи, или другія какія-либо болѣе цѣнныя ткани, имъ совершенно недоступны вслѣдствіе дороговизны. Головныхъ украшеній совсѣмъ нѣтъ, и болѣе зажиточную женщину можно узнать только по башмакамъ, носокъ у которыхъ дѣлается острый съ загибомъ внутрь и вышитый шелками. Какъ женщины, такъ и дѣвицы саларскія, по примѣру китайнокъ и дунганокъ, бѣлятся и румянятся усердно. Румяна и бѣлила они получаютъ отъ своихъ сосѣдей китайцевъ за весьма невысокую цѣну. Наиболѣе распространенные у саларовъ цвѣта одеждъ слѣдующіе: старики и старухи по преимуществу носятъ бѣлый цвѣтъ, взрослые обоюго пола — черный и синій, молодые же — красный, зеленый и синій.

5. *Пища и питье.* — Кухня саларская не отличается, повидимому, обиліемъ яствъ и напитковъ; въ этомъ случаѣ они ничего

почти не позаимствовали ни отъ китайцевъ ни отъ другихъ своихъ сосѣдей. Любимое и почти постоянное ихъ кушанье — это лапша съ мясомъ, называемая „вузунъ-аш“; ее ѣдятъ обыкновенно утромъ; въ полдень же кирпичный чай, сваренный съ молокомъ и солью, который пьютъ съ хлѣбомъ; вечеромъ опять таже лапша съ мясомъ. Мясо ѣдятъ довольно рѣдко, смотря, конечно, по средствамъ. Если нѣтъ мяса, то лапши не ѣдятъ, а довольствуются однимъ чаемъ съ молокомъ. Покупаютъ также рисъ, который варятъ съ мясомъ и ѣдятъ вмѣсто лапши. Вообще, за обѣдомъ и ужиномъ довольствуются только однимъ кушаньемъ. Кромѣ того, употребляютъ въ пищу домашнихъ утокъ („бад“), гусей („газ“), куръ („тоох“) и голубей („гургунъ-чжюх“). Головного мозга животныхъ и птицъ салары, какъ и дунгане, не ѣдятъ, а ѣдятъ только мозгъ, содержащійся въ костяхъ. Рыба („балух“) служитъ важнымъ подспорьемъ въ ихъ продовольствіи; ее они охотно ѣдятъ, тогда какъ дунгане не ѣдятъ никакой рыбы. У саларовъ существуютъ слѣдующія названія рыбъ: „чжин-балух“, „инч-балух“ и „эркех-балух“. Рыбы первыхъ двухъ названій идутъ въ пищу, а послѣднюю, т.-е. „эркех-балух“, не ѣдятъ; эта рыба считается ими нечистою, потому что она ѣстъ людей. Икры вообще ни отъ какой рыбы не ѣдятъ. Вмѣсто ложекъ, употребляютъ китайскія палочки, которыя у нихъ называются „чуко“.

Никто изъ саларцевъ не курить ни опія, ни табаку, никто изъ нихъ не нюхаетъ и не кладетъ носового за губу. Если же случится, что кто-либо изъ постороннихъ (напр., китайцы, которые, хотя изрѣдка, да заѣзжаютъ къ нимъ) закурить въ домъ салара, то всѣ, взрослые и малые, закрываютъ не только носъ, но и все лицо руками, чтобы даже запахъ табачнаго дыма не проникъ и не попалъ кому-либо изъ нихъ. Когда ахуны узнаютъ, что кто-либо изъ ихъ соплеменниковъ покурить опія или положилъ за губу табаку, то виновнаго подвергаютъ публичному наказанію, въ мечети отъ 60 до 90 ударовъ плетью („пи-дань“, слово чисто-китайское), спшитою изъ широкихъ ремней, толщиною до одного вершка.

6. *Образъ жизни, занятія саларъ, ихъ отношенія къ китайцамъ и другимъ народамъ.*—Салары ведутъ осѣдлый образъ жизни, живутъ замкнуто, въ сношенія съ другими народами, ихъ окружа-

ющими, вступаютъ крайне неохотно. Всѣ салары занимаются земледѣліемъ. Сѣютъ слѣдующіе хлѣба: пшеницу („богдѣ“), ячмень („арфа“), овесъ („чодар“), горохъ („пича“) и ленъ („ягур“), но всего сѣютъ въ маломъ количествѣ. Хлѣбъ сѣютъ по предгорьямъ горъ (безполивный), а частью въ долинахъ и ущельяхъ. Такъ какъ земли мало, то сѣютъ хлѣба лишь столько, сколько можетъ хватить на пропитаніе семьи. Посѣвъ хлѣбовъ производятъ въ первой лунѣ, созрѣваетъ же въ шестой. Салары, какъ и дунгане, пахутъ одинаковой сохой („соу-вань“ или „саван“), въ которую впрягаютъ одну или двѣ пары быковъ. Слѣдомъ за мужчиной, идущимъ за сохой, идетъ его жена и сѣетъ зерна, которыя она несетъ въ корзины („кэлоу“) изъ травы. Когда папня („ас-ер“) вспахана и зерна женою пахаря или другою женщиною, но, по возможности, наиболѣе близкою его родственницею, будутъ посеяны, тогда вспаханное и засеянное поле сравнивается и сглаживается бороною („уску“). Борона такого же устройства, какъ и у дунганъ, дѣлается изъ прутьевъ. Женщины сѣютъ потому, что это древній обычай саларовъ, такъ заведено у нихъ изстари, почему женщина уже привыкла сѣять и вездѣ сѣетъ равномерно, тогда какъ мужчина безъ привычки не можетъ такъ хорошо этого сдѣлать. Хлѣбъ созрѣвшій снимается серпами („орох“) и связывается въ снопы, молотятъ его каменными катками. Изъ льна мужчины дѣлаютъ мѣшки („хал“) и продаютъ ихъ въ Хэ-чжоу и Сининъ по 40—50 коп. за штуку. Изъ бараньей шерсти также мужчины ткутъ матеріи на халаты и шубы. Матерія эта называется „өрмѡх“ и бываетъ обыкновенно чернаго или бѣлаго цвѣта. Кромѣ того, жители деревни Гези-гунъ въ значительныхъ размѣрахъ занимаются садоводствомъ, разводятъ яблоки („армут“) и главнымъ образомъ зимній сортъ ихъ, называемый „улы-армут“. Кромѣ этого, существуютъ еще слѣдующія названія для другихъ сортовъ яблокъ: „сумулу-армут“, „сары-армут“, „бал-армут“, „ча-чжю-армут“ и „бельмах-армут“. Разводятъ также виноградъ („пу-ту“) и орѣхи („гхос“).

У прирѣчныхъ саларъ, т.-е. живущихъ по рѣкѣ Хуан-хэ, есть двѣ большія четырехвесельныя лодки, которыя служатъ имъ частью для переправы черезъ эту рѣку, а частью для рыбной ловли.

Занимаются они также извозомъ на недалекія разстоянія. Вся-

каго рода тяжести китайцевъ они перевозятъ на ишакахъ, такъ какъ телѣги у нихъ совсѣмъ не въ употребленіи. Изъ Синина привозятъ соль („дуз“ или „кок“) на ишакахъ же. Не многіе изъ саларовъ занимаются мелочной торговлей, торгуютъ только самыми необходимыми для нихъ товарами, за которыми ѣздятъ въ Сининъ. Но, кромѣ хлѣбопашества, главное ихъ занятіе составляетъ разведеніе овецъ и барановъ; излишнюю шерсть съ нихъ продаютъ въ Лань-чжоу и Хэ-чжоу. Рогатый скотъ также разводятъ, но въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ мѣстность, занимаемая ими, далеко не благоприятствуетъ разведенію крупнаго скота, ибо травъ въ горахъ мало. Въ каждой деревнѣ есть по нѣскольку человѣкъ, которые занимаются продажей мяса, главнымъ образомъ бараняго, полтора фунта котораго стоитъ десять чоховъ.

Въ рѣчкахъ, протекающихъ близъ деревень Чжан-га-гунь и Намань-гунь, добываютъ золото, но его тамъ содержится очень мало. Исключительно бѣдняки занимаются промывкой золота. Случается, что втеченіе 20—30 дней не находятъ ни крупинки этого драгоценнаго металла, но иногда, правда, очень рѣдко, добываютъ его и порядочное количество. Добытое золото сбывается у себя же въ деревняхъ, гдѣ его мѣняють на зерновой хлѣбъ или же продаютъ въ Хэ-чжоу. Китайцы не запрещаютъ и не мѣшаютъ заниматься кому угодно изъ нихъ добываніемъ золота.

По увѣренію нѣкоторыхъ дунганъ, хорошо знающихъ саларъ (дунгане изъ Синина и Хэ-чжоу), всѣ салары занимаются грабежомъ скота въ Тибетѣ и въ смежныхъ китайскихъ провинціяхъ; сами салары, которыхъ мы объ этомъ разспрашивали, хотя и отрицаютъ это, но въ то-же время утверждаютъ, что въ каждой семьѣ непременно можно встрѣтить фитильное ружье („по“—слово, кажется, чисто-китайское), шапку („гилч“ или „гилыш“) и длинный кинжалъ („чжитун“), носимый за поясомъ.

Салары ненавидятъ китайцевъ, послѣдніе въ свою очередь платятъ имъ тѣмъ же, относясь къ нимъ съ крайнимъ высокомеріемъ и пренебреженіемъ, тѣмъ болѣе что поживиться отъ нихъ китайцы ничѣмъ не могутъ, благодаря крайней бѣдности саларцевъ, которая происходитъ не отъ лѣни ихъ, а скорѣе отъ суровой и бѣдной природы, среди которой они живутъ. Отчасти китайцы не любятъ саларовъ за ихъ строптивый и непокорный

духъ или нравъ, побороть который китайцамъ никакъ не удастся, несмотря на все искусство и хитрость ихъ въ этомъ отношеніи, почему они прѣзжаютъ къ саларамъ только въ исключительныхъ случаяхъ, и между прочимъ иногда заѣзжаютъ къ нимъ китайскіе странствующие доктора для прививанія оспы.

Въ послѣднемъ дунганскомъ возстаніи салары принимали дѣятельное участіе. Вотъ имена ихъ начальниковъ, изъ которыхъ каждый предводительствовалъ отрядомъ изъ своей деревни (называемой нами въ скобкахъ): Лан-со-дае (Гези-гунь), Кериму-дае (Чжан-га-гунь), Хань-шунь-дае (Нэмань-гунь), Ло-до-бао (Тинь-шуй-гунь), Кырчжан-уло (Минь-да-гунь), Эню-чжук-сань-шило (Ча-чжа-гунь), Адамо-цзышло (Хоян-сы-чжань-гунь), Машо-кичо (Чагань-да-сы-гунь).

Всѣ они уже умерли. Самымъ уважаемымъ и любимымъ изъ нихъ былъ первый изъ поименованныхъ здѣсь предводитель Лан-со-дае изъ деревни Гези-гунь. Когда случалось, что китайцы проникали въ ихъ суровую и неприступную мѣстность, то салары, искусно устраивая засады, удерживали ихъ по нѣскольку дней, давая такимъ образомъ возможность жителямъ тѣхъ деревень, которыя прежде всего должны были подвергнуться нападенію китайцевъ, отправить въ горы и укрыть въ безопасномъ мѣстѣ не только женъ и дѣтей съ пожитками и угнать туда же весь скотъ, но по дорогѣ, по которой долженъ былъ проходить непріятель, салары успѣвали выкапывать глубокіе рвы и ямы, въ которые вколачивали острые колья. Сами они ночью съ осторожностью уходили на ближайшія горы, откуда и давали знать о себѣ выстрѣлами и криками. Китайцы же, приписывая удаленіе ихъ трусости, смѣшили занять ближайшія на ихъ пути деревни, и въ суматохѣ и поспѣшности многіе изъ нихъ попадали въ устроенныя такимъ образомъ заранѣе ловушки. Деревни китайцы постоянно находили пустыми и безъ всякихъ припасовъ для людей и скота; когда же они проходили узкими ущельями и проходами, то салары подстерегали ихъ наверху, откуда и сбрасывали на нихъ массивные камни и стрѣляли изъ своихъ незамысловатыхъ ружей, почему китайцы всегда уходили отъ нихъ съ большимъ урономъ и въ другой разъ не скоро осмѣливались посѣтить столь негостепріимныхъ своихъ сосѣдей. Салары также съ издавна ненавидятъ сартовъ, за то, что послѣдніе не придерживаются всѣхъ

правиль шаріата, и за развратъ ихъ, въ особенности же за мужеложство. Ненависть эта еще болѣе усилилась около трехъ лѣтъ тому назадъ, по слѣдующему случаю: въ деревню Тинь-шюй-гунь пріѣхалъ одинъ сартъ съ тремя товарищами и, назвавшись проповѣдникомъ (цзѣ-мынь-чольлѣген-кши), наставлялъ и укрѣплялъ ихъ въ правилахъ мусульманской религіи. Салары слушали его съ удовольствіемъ и въ благодарность за это собрали и сдѣлали ему усердное, по своимъ возможностямъ, приношеніе. Проживши между ними пять-шесть дней, сартъ этотъ уѣхалъ въ Сининъ. Нѣкоторые изъ саларцевъ, поѣхавшихъ вскорѣ туда, увидѣли этого благочестиваго проповѣдника съ его товарищами въ непотребномъ домѣ въ сообществѣ разгульныхъ женщинъ, и притомъ курящихъ и кладущихъ табакъ за губу. Скоро это дошло до свѣдѣнія всѣхъ саларовъ, и мулла изъ деревни Тинь-шюй-гунь по имени Хэй-ахунъ подалъ жалобу китайскимъ властямъ въ г. Сининъ, въ которой выразилъ, что такой-то сартъ, назвавшись проповѣдникомъ религіи, своимъ поведеніемъ въ Сининѣ не только поглумился надъ ними и ихъ религіознымъ чувствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ публично издѣвался и нанесъ тяжкое оскорбленіе самой ихъ религіи. Китайскія власти жалобу нашли неосновательной, такъ какъ куреніе табаку и посѣщеніе непотребнаго дома признали непредосудительнымъ, а уважаемаго всѣми саларами Хэй-ахуна за клеветничество наказали тысячею ударами плетей, такъ что тотъ и умеръ. По всѣмъ же саларскимъ деревнямъ разослали объявленіе, чтобы впредь никто изъ саларцевъ не смѣлъ давать никогда пристанища и пріюта ни одному сарту. Ручаться за точную достовѣрность этого разсказа, конечно, нельзя; но, можетъ быть, и было что похожее на правду.

7. *Свадьба.*—Салары, какъ и всѣ народы средней (вѣрнѣе, центральной) Азіи, рано вступаютъ въ бракъ. Какъ только молодой человѣкъ достигнетъ пятнадцатилѣтняго возраста, то родители его стараются поскорѣе женить. Намѣтивъ заранѣе опредѣленную дѣвицу 11—12 лѣтъ, они посылаютъ къ родителямъ ея двухъ сватовъ („сочжи“ или „соцзи“). Если родителямъ невѣсты почему-либо не нравится предстоящая партія, то они безъ дальнихъ разговоровъ прямо отказываютъ сватамъ; въ случаѣ же, если находятъ партію себѣ подходящею, то начинаютъ договоръ о калымѣ

и подаркахъ. Обыкновенно берутъ за дѣвушку отъ 12 до 30 саръ серебра (24—60 руб.) и нѣсколько штукъ скота. Плата эта называется „голюм“ (исковерканное „калымъ“) или „мал-біапар“. Когда сойдутся въ цѣнѣ, то родители невѣсты первые же обращаются съ просьбою къ сватамъ о назначеніи хорошаго, счастливаго дня для свадьбы—„якши-гунь-цзо-на“. („Гунь“—день, по-татарски „кунь-се“, и „цзо“—сдѣлать, постановить, китайское „цзони“, „цзуні“).

Въ назначенный день женихъ, одѣвшись въ лучшее платье и обязавшись красной матеріей, какъ и у дунганъ, и подпоясавшись, кромѣ того, краснымъ поясомъ, въ сопровожденіи близкихъ родственниковъ и знакомыхъ отправляется пѣшкомъ въ домъ невѣсты, куда также собираются гости, въ томъ числѣ женщины и мать жениха. Женщины съ дѣтьми и дѣвушки помѣщаются въ комнатахъ, а мужчины располагаются на дворѣ подъ открытымъ небомъ. Когда всѣ соберутся, мулла тотчасъ же читаетъ молитву („ника“), которую всѣ слушаютъ молча, и притомъ сидя на коленяхъ. По окончаніи „ника“, женихъ встаетъ и, сложивъ руки на поясѣ, дѣлаетъ каждому поклонъ, причемъ говоритъ: „сонко-о-ом, сонком“ (исковерканное „салаум-аглеким“), сильно растягивая послѣдній слогъ; присутствующіе отвѣчаютъ ему тѣмъ же. Послѣ этого всѣ садятся тутъ-же на дворѣ, и имъ предлагается угощеніе. Прежде всего подаютъ кирпичный чай, сваренный съ молокомъ и солью, потомъ каждому гостю раздаютъ по одной чашкѣ мелкихъ хлѣбцевъ, зажаренныхъ съ зерномъ дикаго грецкаго орѣха на льняномъ маслѣ, называемыхъ „ѳа-геда“ или „ю-геда“, и по одной штукѣ „саньза“, т. е. хлѣба въ формѣ подковы, сдѣланнаго изъ тонкихъ нитей тѣста и зажареннаго также на льняномъ маслѣ (у таранчей тоже „сань-цзы“), затѣмъ всѣмъ раздаютъ по куску холоднаго варенаго бараньяго мяса; но все это гости не съѣдаютъ на мѣстѣ, а кладутъ за пазуху и уносятъ домой, чтобы подѣлиться гостинцами съ тѣми изъ домашнихъ, кто не былъ на свадьбѣ. Послѣ чаю и раздачи съѣстного, женихъ съ однимъ изъ товарищей (у дунганъ—„пэй-кэй“, а у саларовъ „ань-чжау“) идетъ въ комнаты, гдѣ помѣщаются женщины, и имъ говоритъ: „сонк-о-о-ом“ („сонком“, т. е. „салам“), послѣ чего сейчасъ же съ своей партіей уходитъ къ себѣ домой. Вечеромъ того-же дня въ домъ жениха рѣжутъ барана—„бир-коинь чжа-

ра-цзи“ (а по-киргизски—„бир-кой-ярады“) и готовятъ большія лепешки на постномъ маслѣ, называемыя „яг-бини-цзы“.

На другой день къ полудню въ домъ жениха собираются гости съ той и другой стороны, женщины съ дѣтьми и дѣвушки также располагаются отдѣльно въ комнатахъ, а мужчины во дворѣ. Въ полдень, верхомъ на лошади или мулѣ, шагомъ, пріѣзжаетъ молодая въ домъ жениха, причемъ ее сопровождаетъ одна молодая женщина, играющая роль провожатой — „багачи“, и братья или ближайшіе родственники молодой; послѣдніе идутъ пѣшкомъ и несутъ всѣ ея дѣвичьи одежды („сандух“) и одну перемѣну верхняго и нижняго ея платья, что и составляетъ все приданое молодой; кромѣ того, несутъ, и это обязательно, столько паръ башмаковъ, сколько мужчинъ имѣется въ семьѣ молодого. По пріѣздѣ въ домъ жениха, молодая съ поклонами раздаетъ родственникамъ мужа башмаки, послѣ чего она съ своей провожатой уходитъ на женскую половину, а хозяева подаютъ гостямъ горячій чай съ молокомъ и солью, по одной лепешкѣ — „яг-бини-цзы“ и по куску холодной вареной баранины. Послѣ ухода гостей, молодыхъ кладутъ спать въ отдѣльной комнатѣ, у дверей которой и на крышѣ помѣщаются товарищи молодого и подслушиваютъ, что тамъ происходитъ. Смѣхомъ, разными шутками и прибаутками они поощряютъ молодого быть болѣе рѣшительнымъ, и въ то же время по нѣкоторымъ признакамъ стараются угадать, честная ли дѣвушка была молодая, или нѣтъ.

Въ теченіе двухъ дней послѣ брака молодая закрываетъ свое лицо чернымъ покрываломъ, которое называется „хань-чжар“.

Салары выдаютъ своихъ дочерей за дунганъ, но очень рѣдко, сами же у дунганъ вовсе не берутъ. По отзывамъ сининскихъ дунганъ, саларскія женщины красивы.

Салары, какъ магометане, могутъ брать по нѣсколько женъ, но случаи многоженства между ними очень рѣдки; если же кто имѣетъ двѣ жены, то это непременно богатый человекъ (боган-кши“, у киргизовъ — „бай кши“), а такъ какъ богатыхъ между ними почти совсѣмъ нѣтъ, то не имѣется и такихъ лицъ, которые обладали бы нѣсколькими женами. Разводы между саларами рѣдки; такое явленіе они объясняютъ исключительно своею бѣдностью. Для развода считаются уважительными слѣдующія причины: 1) половые недостатки мужа. 2) глупость жены и, главнымъ

образомъ, неумѣнье ея вести свое хозяйство, 3) прелюбодѣяніе и 4) нежеланіе одной изъ сторонъ совместнаго сожителства. — Если жена красива и умна, а мужъ бѣденъ, золъ и некрасивъ, то жена можетъ отъ него откупиться. Если жена почему-либо не понравится мужу, а причинъ достаточныхъ для развода не имѣется, то мужъ, желая избавиться отъ своей жены, даетъ ей и ея родителямъ столько денегъ или разнаго имущества и скота, сколько они потребуютъ; но и въ такихъ случаяхъ требованія бывають не настолько велики, чтобы сторона, желающая развода, могла разориться, т. е. въ данномъ случаѣ мужъ; что касается третьяго изъ указанныхъ условій, то можно сказать, случаи супружеской не-вѣрности у саларовъ чрезвычайно рѣдки, такъ какъ уличенные въ прелюбодѣяніи жестоко и беспощадно караются установившимися издавна обычаями саларовъ. Такъ, поймавъ на мѣстѣ преступленія жену и ея любовника, оскорбленный мужъ убиваетъ или, по меньшей мѣрѣ, искалѣчиваетъ его, а жену бьетъ съ роздыхами, сколько хочетъ. Если же не удалось поймать соблазнителя своей жены, то мужъ идетъ жаловаться на него ахуну главнаго прихода. Никогда въ такихъ случаяхъ саларецъ не позволитъ себѣ жаловаться китайскимъ властямъ, во-первыхъ потому, что онъ въ ихъ глазахъ „кяфири“, а во-вторыхъ, чтобы не дать имъ повода смѣяться и издѣваться надъ собою. Оскорбленный мужъ очень хорошо знаетъ, что онъ всегда найдетъ крѣпкую и надежную защиту въ своихъ муллахъ. Муллы приговаривають изобличеннаго въ прелюбодѣяніи къ слѣдующему наказанію: связываютъ вмѣстѣ кисти рукъ его и, продѣвъ между ними веревку, подвѣшиваютъ его на столбѣ или на перекладинѣ въ мечети, и въ такомъ положеніи оставляють на цѣлый день, при чемъ не даютъ ѣсть и пить, а вечеромъ, при стеченіи большого числа народа, бьютъ плетью въ три приступа съ небольшимъ отдыхомъ и въ каждый приступъ даютъ по 79 ударовъ. Кромѣ того, съ соблазнителя или съ его семьи или родственниковъ берутъ штрафъ деньгами или скотомъ, а съ бѣднаго отъ 20 до 30 цзиновъ постнаго масла. Измѣнницу-жену также наказываютъ: ей даютъ столько же ударовъ плетью, сколько и ея любовнику, но только ее не подвѣшиваютъ въ мечети. Послѣ учиненнаго наказанія, муллы спрашиваютъ мужа, желаетъ ли онъ преступную жену оставить у себя, или нѣтъ. Если онъ изъявитъ согласіе оставить у себя, то ему возвращають ее

при общемъ смѣхѣ толпы; если же мужъ отказывается, то приглашаютъ мать виновной, которой съ насмѣшками и возвращаютъ дочь. Когда одна и та же женщина будетъ изобличена въ прелюбодѣяніи нѣсколько разъ, то ахуны приговариваютъ ее сбросить въ рѣку Хуан-хэ, что безусловно и приводится въ исполненіе, и никакое заступничество, ни усиленные просьбы родственниковъ за несчастную не могутъ смягчить ея участи,—все безсильно передъ приговоромъ ахуновъ. Если же которая-либо будетъ поймана на мѣстѣ преступленія, или изобличена въ любовной связи съ немусульманиномъ, то таковую ахуны приговариваютъ всегда къ тому же самому наказанію, т.-е. сбросить въ рѣку Хуан-хэ; но и въ данномъ случаѣ, прежде исполненія приговора, спрашиваютъ мужа, не пожелаетъ ли онъ оставить у себя такую жену. Не было, впрочемъ, случая, чтобы мужъ согласился на это, такъ какъ тогда насмѣшкамъ и презрѣнію со стороны своихъ же не будетъ конца. Съ шумомъ и крикомъ цѣлая толпа исполняетъ жестокий приговоръ, при чемъ къ ногамъ осужденной привязываютъ камень такой величины, чтобы несчастная не сразу могла пойти ко дну, а лишь послѣ нѣкоторой борьбы.

8. *Роды* („гадун-кши бала тугуцзы“, по-татарски „хатын-кши бала тугады“).—Передъ наступленіемъ родовъ мужъ старается по возможности скорѣе снести и раздать мулламъ и ахунамъ денегъ, сколько можетъ; если же таковыхъ не имѣется, то раздаетъ муку, хлѣбъ и т. п., за что муллы и молятся о здоровьи роженицы и благополучномъ исходѣ родовъ. При родахъ обязательно присутствуетъ [мать роженицы и мужъ ея, который въ это время молится Богу. Если роды трудные, то мулла, прочитавъ на воду молитву, даетъ роженицѣ пить эту воду. Смертныхъ случаевъ отъ родовъ, будто бы, бываетъ мало.

Въ тотъ-же день, какъ родится ребенокъ, приглашается мулла, который послѣ прочтенія молитвы даетъ новорожденному имя („малла ат кошма гелепзы“, т. е. мулла приходилъ дать имя; по-татарски будетъ такъ: „молла ат кошмага келѣды“), за что муллѣ платятъ отъ 30 до 100 ярмаковъ или чоховъ. Родильница встаетъ не ранѣе, какъ на седьмой день, но изъ комнаты не выходитъ въ теченіе сорока дней. Послѣ нареченія имени мать

даетъ ребенку сосать грудь, до нареченія же не даетъ. У саларовъ существуетъ, между прочимъ, слѣдующій обычай: если въ извѣстной семьѣ дѣти почему-либо не живутъ, и родители боятся потерять вновь-родившагося ребенка, то они даютъ ему какое-либо не мусульманское имя, мусульманскаго же совѣмъ не даютъ, и мулла въ такихъ случаяхъ уже совѣмъ не приглашается. Въ подобныхъ случаяхъ даютъ такое имя, какое прійдетъ на умъ, напр. Зонѡмъ, Сетѣнъ, Кичае, Аипе, Санъ-ши-лу, Эрши-у и т. п. — Этотъ обычай также существуетъ у солоновъ, сибинцевъ и другихъ калмыковъ.

Если родится мальчикъ, то отецъ въ знакъ радости обязанъ въ теченіе 10—16 дней устроить большой обѣдъ („уллы хэчжим“), если же дѣвочка, то черезъ три дня дѣлаютъ малый обѣдъ („кичи хэчжим“), на послѣдній приглашаютъ только двухъ-трехъ муллъ и немного знакомыхъ. Для большого обѣда богатые рѣжутъ барана, а бѣдные три-четыре курицы („тоох“), варятъ и дѣлятъ на куски, конечно, по числу приглашенныхъ лицъ, т.-е. муллъ, родственниковъ и знакомыхъ, пекутъ хлѣбъ („яг-бени-цзы“) и готовятъ чай съ молокомъ. Пришедшіе гости пьютъ чай съ хлѣбомъ („яг-бени-цзы“), а мясо уносятъ домой. Обѣдъ этотъ называется „ат кошкан ча біанар“.

Въ случаѣ, если родители бѣдны, то они отдаютъ своихъ дѣтей болѣе состоятельнымъ. Пріемышъ въ новой семьѣ считается за законнаго и пользуется всѣми правами такового. При женитьбѣ, или отдѣленіи его, ему выдѣляется опредѣленная часть имущества, какъ и прочимъ законнымъ дѣтямъ. Разъ отданный въ пріемыши уже не можетъ быть взятъ обратно ни родителями его, ни родственниками. На свадьбѣ же этотъ сынъ дѣлаетъ своему родному отцу первому поклонъ и говоритъ ему саламъ.

Оспопрививаніе довольно распространено. Оспу прививаютъ китайскіе доктора на лбу, на пальцахъ, на рукахъ,—однимъ словомъ, гдѣ придется.

Женщины саларскія въ среднемъ родятъ отъ 6—12 дѣтей.

9. *Похороны и поминки.*—Обычаи здѣсь почти не разнятся отъ обычаевъ другихъ мусульманъ, какъ-то: дунганъ и т. п. Если кто находится при смерти, то сообщаютъ объ этомъ родственникамъ, которые и приходятъ проститься съ умирающимъ; пригла-

шаются также и мулы. Умершаго хоронятъ въ тотъ же день. Одежду съ мертваго беретъ себѣ тотъ, кто моетъ покойника передъ похоронами. Черезъ три дня по умершемъ дѣлаютъ поминки: богатые рѣжутъ барана, а бѣдные двѣ—три курицы, смотря по состоянію. Мясо варятъ въ котлѣ съ поджаренной пшеницей, куда также вливаютъ достаточное количество воды; когда мясо сварится, его вынимаютъ, дѣлятъ на куски и охлаждаютъ. Приглашеннымъ раздаютъ чашки съ супомъ, который называется „кочжя“, а когда его съѣдятъ, то раздаютъ и мясо, которое уносится домой; чаю же на поминкахъ совсѣмъ не подаютъ. Черезъ семь дней послѣ смерти опять такой же обѣдъ, черезъ 40 и сто дней—то же самое. Затѣмъ родственники умершаго, главнымъ образомъ, его семья, каждый годъ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ со дня смерти, дѣлаютъ такіе же поминки. Сыновья и дочери по отцу и матери носятъ трауръ въ теченіе всего года. Мужъ по женѣ, жена по мужу и братья по братьямъ не носятъ траура, сестры же по сестрамъ носятъ трауръ.

10. *Фамиліи съ частицами Ма и Хань. Чиновники Ма-ту-сы и Хань-ту-сы. Аксакалы или Шанье.*—Въ корнѣ фамиліи всякаго салара обязательно встрѣчается слово или частица *Ма* и *Хань*. Объясненіе этому они даютъ слѣдующее: когда салары, по приходѣ ихъ на настоящія мѣста, достаточно размножились, то китайское правительство изъ ихъ же среды назначило двухъ чиновниковъ или начальниковъ („ту-сы“) для управленія ими, давъ при этомъ одному изъ этихъ чиновниковъ фамилію *Ма*, а другому *Хань*, вслѣдствіе чего одинъ сталъ называться *Ма-ту-сы* а другой—*Хань-ту-сы*, и всѣ салары были раздѣлены между ними. Каждый же саларъ, поступившій въ вѣдѣніе одного изъ нихъ, положилъ въ основаніе своей фамиліи частицу *Ма* или *Хань*, прибавляя уже потомъ къ одной изъ этихъ частицъ свою настоящую или частную фамилію. Въ званіи или должности *Ма-ту-сы* или *Хань-ту-сы* утверждаетъ пекинское правительство, по представленію китайскихъ властей въ г. Сининѣ, при чемъ имъ даютъ шапку съ бѣлымъ шарикомъ, т.-е. второй чинъ. Эти *Хань-ту-сы* или *Ма-ту-сы* обязаны доносить китайцамъ о всѣхъ важнѣйшихъ происшествіяхъ или преступленіяхъ, случающихся между саларами въ участкѣ каждаго изъ нихъ, а также и сообщать и приводить

въ исполненіе дѣйствія и распоряженія китайскаго правительства; но вліяніе этихъ Ма-ту-сы или Хань-ту-сы на своихъ соплеменниковъ, какъ китайскихъ чиновниковъ, совсѣмъ незначительное, и власть ихъ въ дѣйствительности фиктивная. Кромѣ того, въ каждую саларскую деревню китайскимъ чиновникомъ изъ Сунхуатина или Сюнхуачена назначается староста или аксакаль („шань“, по-китайски „шанью“), называемый саларами еще „хары“, т. е. старикъ. На эту должность избирается лицо, наиболѣе уважаемое односельчанами и наиболѣе состоятельное. Обо всемъ заслуживающемъ вниманія аксакалы даютъ знать своему ближайшему начальнику, т. е. Хань-ту-сы или Ма-ту-сы, и послѣдніе уже сообщаютъ въ Сининь или въ Сюнхуачень, смотря по важности или обстоятельствамъ дѣла. Вотъ и всѣ, такъ сказать, представители свѣтской власти у саларовъ, которые, между прочимъ, слушаются ихъ мало и неохотно.

11. *Муллы*.—Дѣйствительная же власть находится въ рукахъ муллъ. Всѣ саларскіе муллы получаютъ домашнее образованіе. Желаящій быть муллою учится въ школѣ при мечети у своего же муллы *). Послѣ изученія корана на арабскомъ языкѣ, ученики изучаютъ разьясненія его, писанныя на персидскомъ языкѣ. Молодые салары, окончившіе курсъ ученія у себя въ деревняхъ, отправляются въ Сининь или Хэ-чжоу въ дунганскія школы („сѣ-тан“), гдѣ изучаютъ толкованія корана на китайскомъ языкѣ. Такимъ образомъ будущіе саларскіе муллы получаютъ нѣкоторыя познанія какъ въ персидскомъ, такъ и въ китайскомъ языкахъ; послѣдній имъ необходимъ не столько для сношенія съ китайцами, сколько для распространенія и пропагандированія между ними мусульманства.

Муллы живутъ добродетельными подаяніями своихъ прихожанъ; каждый изъ нихъ, послѣ сбора хлѣба, всегда удѣляетъ своему ахуну или муллѣ хлѣба зерномъ столько, сколько можетъ. Кромѣ того, каждымъ прихожаниномъ по очереди ежедневно доставляется муллѣ горячая пища.

Къ мулламъ салары относятся съ глубокимъ уваженіемъ. Главный мулла живетъ въ Гези-гунѣ или Алтуй-лѣ и называется газы;

*) При каждой мечети есть школы („лен-гер“) и муллы, могущіе читать коранъ на арабскомъ языкѣ и толковать разьясненія на персидскомъ языкѣ.

безъ него во всѣхъ восьми деревняхъ не обходится ни одна свадьба, ни однѣ похороны, и на тѣхъ, которые не приглашаютъ его, смотрятъ крайне недружелюбно, и строго имъ выговариваютъ за неуваженіе къ газы. Вліяніе муллъ безгранично; ни одно маломальски выдающееся событіе или происшествіе, случившееся между саларами, не проходитъ безъ деспотическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетнаго голоса ихъ муллъ. Въ жизни саларовъ муллы—все; они—ихъ совѣтники, судьи и наставники, почему всѣ ихъ слушаются безпрекословно. Зная ихъ всесильное вліяніе, китайскія власти не вмѣшиваются и не отмѣняютъ рѣшенія муллъ, боясь вызвать неудовольствіе между саларами; напротивъ, большую часть возникающихъ между ними дѣлъ китайцы предоставляютъ на судъ ахуновъ, такъ что на саларовъ надобно смотрѣть, какъ на общину людей, которые въ своей семейной и общественной жизни руководятся только исключительно отношеніями, вытекающими изъ ихъ религіозныхъ чувствъ и побужденій; на этомъ же основываются и вырабатываются и ихъ отношенія къ окружающимъ народамъ.

12. *Подати. Степень зажиточности. Отношеніе къ нищимъ и старикамъ.*—По причинѣ крайней бѣдности саларовъ, китайцы не берутъ съ нихъ никакой подати; только ежегодно аксакалъ каждой деревни, послѣ окончанія уборки хлѣбовъ, собираетъ въ пользу сюнхуаченскаго чиновника по двѣ съ половиною чашки зернового хлѣба съ души, и дѣлаютъ это такъ, что въ одинъ годъ собираютъ только одинъ родъ хлѣба, напр. одну пшеницу, на другой годъ—ячмень и т. д.; однимъ словомъ, каждый годъ этому чиновнику несутъ дань незначительную и переменную. Этимъ и ограничивается внѣшняя покорность саларовъ китайскимъ властямъ.

Не только богатыхъ, но и достаточно зажиточныхъ между саларами очень мало; въ среднемъ каждый имѣетъ не болѣе 10—30 барановъ, отъ 2 до 5 ишаковъ, и одного мула, а лошадей, будто бы, совсѣмъ нѣтъ. Есть между саларами и имѣющіе до 500 барановъ, но такихъ очень мало. Стоимость этого скота слѣдующая: одинъ ишакъ цѣнится отъ 2 до 12 рублей на наши деньги, одинъ мулъ—отъ 15 до 25 рублей и одинъ большой баранъ—отъ 1 до 1½ рубля.

Хотя салары и бѣдны, но нищенство между ними, будто бы

неизвѣстно. Бѣднякъ саларецъ низачто не пойдетъ просить милостыню, если онъ хотя сколько-нибудь можетъ работать, въ противномъ случаѣ его засмѣютъ и будутъ презирать, почему онъ скорѣе предпочтетъ итти въ работники, чѣмъ попрошайничать и побираться. Чувство же человѣколюбія и состраданія, повидимому, имъ не чуждо, такъ какъ они охотно подаютъ милостыню калѣкамъ, беспомощнымъ и безроднымъ старикамъ; такимъ несчастнымъ и обездоленнымъ всякій помогаетъ, кто чѣмъ можетъ. Встрѣчаются, будто бы, между саларами нищіе изъ дунганъ, но къ этому показанію нужно относиться съ осторожностью, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, между здѣшними дунганами нищихъ нѣтъ совсѣмъ; напротивъ, дунгане, отличаясь примѣрнымъ трудолюбіемъ и безусловною честностью, всѣ живутъ безбѣдно, а особенно дунгане селенія Каракунузъ, которые всѣ обладаютъ значительнымъ достаткомъ.

Въ связи съ указанной чертой человѣколюбія находится отчасти и то вниманіе, уваженіе и почтеніе, какимъ пользуются у саларовъ и старики; ихъ совѣты и наставленія выслушиваются со вниманіемъ; старики управляютъ семьей, и здѣсь голосъ ихъ рѣшающій и властный.

Средняя продолжительность жизни у саларъ, повидимому, довольно значительная: нерѣдко доживаютъ до 70 — 85 лѣтъ; но случаевъ, чтобы кто доживалъ до ста лѣтъ и болѣе, не помнятъ ни одного.

13. *Права наслѣдства.*—Раньше мы уже упоминали, что у саларовъ земли мало; изъ добытыхъ свѣдѣній оказывается, что въ дѣйствительности оно такъ и есть. Земля дѣлится по числу душъ; на одну душу даютъ не болѣе 16 му, т.-е. около десятины (17 му—1 д.).

По смерти владѣльца только жена и дѣти умершаго считаются единственными и прямыми его наслѣдниками, всѣ же остальные родственники, даже самые ближайшіе, не имѣютъ права на полученіе его наслѣдства. Если кто умретъ бездѣтнымъ и безсемейнымъ, т.-е. не оставитъ послѣ себя ни жены ни дѣтей, то оставшееся имущество считается вымороченнымъ, и съ нимъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: пахотную землю умершаго дѣлятъ поровну между собою два его сосѣда съ той и другой стороны; общество же, и, главнымъ образомъ, члены того прихода, въ

которомъ окажется вымороченное имущество, избирають изъ своей среды лицъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ, и имъ поручають произвести какъ оцѣнку, такъ и продажу движимаго и недвижимаго имущества, на вырученныя же деньги дѣлають по умершемъ поминки до тѣхъ поръ, пока хватитъ этихъ денегъ. Если умереть мужъ, и останется одна бездѣтная вдова, то ее общество спрашиваетъ, будетъ ли она одна жить и самостоятельно вести хозяйство покойнаго своего мужа, или же желаетъ возвратиться къ своимъ родителямъ. Если она изъявитъ согласіе остаться на мѣстѣ и дать обязательство вести хозяйство, то она дѣлается полною хозяйкою всего оставшагося имущества, и даже въ случаѣ выхода ея вторично замужъ имущество это принадлежитъ ей; но если она не захочетъ вести хозяйства и желаетъ возвратиться къ своимъ родителямъ, то ей даютъ только незначительную часть изъ имущества и, главнымъ образомъ, платье ея, а со всѣмъ остальнымъ имуществомъ поступаютъ, какъ съ вымороченнымъ, т.-е. землю дѣлятъ также два сосѣда пополамъ, а домъ съ усадьбой и проч. продають, и на эти деньги дѣлають поминки.

Если умереть одинъ изъ среднихъ братьевъ, то старшій братъ беретъ къ себѣ вдову съ дѣтьми, и все имущество также переходитъ къ нему; если же вдова не согласна перейти къ брату, то имущество и дѣти переходятъ къ нему же, а вдова уходитъ къ своимъ родителямъ, и въ этомъ случаѣ ей отдаютъ только ея платье. Оставшіяся же сироты, по достиженіи ими совершеннолѣтія, женятся дядей и тогда уже они принимаютъ отъ него все хозяйство своего покойнаго отца. Движимое и недвижимое имущество между всѣми братьями дѣлится поровну; дочери не имѣютъ права на полученіе недвижимаго имущества или части изъ него, и только по достиженіи ими совершеннолѣтія дается имъ дядей небольшое приданое, т.-е. одна пара верхняго и нижняго платья.

Если же умереть самый младшій братъ, то оставшаяся послѣ него жена переходитъ къ своимъ родителямъ, а если таковыхъ нѣтъ, то къ своимъ ближайшимъ родственникамъ, взявъ только то свое платье, которое имѣла при мужѣ; дѣти же до совершеннолѣтія остаются у того изъ братьевъ умершаго, который болѣе обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, и имущество сиротъ также находится въ его вѣдѣніи. Изъ послѣднихъ двухъ случаевъ видно, что братья умершаго являются прямыми опеку-

нами своихъ племянниковъ и хранителями ихъ имущества, каковое они обязаны возвратить все въ цѣлости, по достиженіи сиротами совершеннолѣтія; вдова же пользуется правами полной хозяйки только при отсутствіи братьевъ со стороны мужа.

У саларъ существуетъ также обычай отдѣлять женатаго сына; это дѣлается, между прочимъ, съ тою цѣлю, чтобы молодой человѣкъ скорѣе приучился самостоятельно вести свое хозяйство и чтобы разсчитывалъ только на себя самого. Отецъ, по своему усмотрѣнію, награждаетъ выдѣляемаго сына, даетъ ему нѣсколько штукъ барановъ и другого скота, снабжаетъ его хлѣбомъ въ зернѣ, разною домашнею утварью и самыми необходимыми хозяйственными принадлежностями, но всего этого дается понемногу. Сынъ, какъ бы онъ ни былъ надѣленъ, не имѣетъ права жаловаться на отца или считать себя обиженнымъ, такъ какъ воля отца есть законъ, и все зависитъ отъ его личнаго усмотрѣнія.

14. Преступленія и наказанія. Убійства и самоубійства.—О самоубійствахъ и отравленіяхъ разспрашиваемые нами салары ничего не могли сообщить, такъ какъ не только сами не помнятъ чего-либо подобнаго, но и слышать объ этомъ имъ никогда не приходилось отъ своихъ стариковъ. Надо полагать, что если и встрѣчаются между саларами случаи насильственной смерти, то крайне рѣдко, точно такъ же, какъ и между дунганами.

Изъ преступленій, между прочимъ, хотя весьма и весьма рѣдко, встрѣчаются слѣдующія:

Отецъ, убившій сына или дочь за непослушаніе или непочтеніе, не отвѣчаетъ и не несетъ никакихъ послѣдствій, если фактъ непослушанія или непочтенія будетъ имъ доказанъ передъ ахунами. Это одно изъ самыхъ рѣдкихъ преступленій.

Если мужъ убьетъ свою жену, то мать послѣдней требуетъ отъ него объясненій, и если причину, вызвавшую убійство, найдетъ уважительною (напр. прелюбодѣяніе), то женоубійца также ничѣмъ не отвѣчаетъ. Если же онъ убьетъ свою жену за непослушаніе или за неуваженіе къ себѣ, то отдѣливается небольшою платой родителямъ и родственникамъ убитой имъ жены.

Если же жена убьетъ мужа, то ахуны приговариваютъ ее къ смерти—сбрасываютъ въ рѣку Хуан-хэ. Но и этого рода преступленія встрѣчаются также очень рѣдко, найчае же встрѣча-

ются драки съ убійствами въ запальчивости и воровство; послѣднее исключительно практикуется ими у китайцевъ и другихъ кяфировъ, почему и не считается за преступленіе. Слѣды всякаго воровства стараются тщательно скрыть, въ чемъ, по большей части, и успѣваютъ. По дѣламъ же убійства обращаются къ китайскимъ властямъ въ г. Сининѣ, и китайцы иногда сами рѣшаютъ такіа дѣла, а въ большинствѣ случаевъ передаютъ таковыя на судъ ахуновъ того прихода, въ которомъ случилось преступленіе. Убійцу ахуны приговариваютъ, кромѣ наказанія 200—300 ударовъ плетью, еще къ уплатѣ женѣ и дѣтямъ убитаго денежнаго штрафа въ размѣрѣ отъ двухсотъ и болѣе рублей; за неимѣніемъ же денегъ, отбираютъ скотъ и разное движимое имущество. Если преступникъ оказывается несостоятельнымъ, то родственники его вносятъ за него плату. Нерѣдко случается, что помогаютъ внести плату знакомые, сосѣди и даже совершенно незнакомые, если, конечно, сами пожелаютъ; въ данномъ случаѣ ими руководить, кромѣ чувства состраданія и жалости къ семьѣ убитаго, еще желаніе помочь преступнику выйти изъ его затруднительнаго положенія, особенно если до этого времени онъ велъ себя хорошо и ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ, а тѣмъ болѣе если и послѣднее преступленіе, совершенное имъ, не есть результатъ преднамѣренной злой воли его или зараженіе обдуманнаго плана. Когда же убійца, до совершенія имъ послѣдняго преступленія, былъ неоднократно замѣченъ въ чемъ-либо предосудительномъ и успѣлъ возбудить въ средѣ своихъ всеобщее нерасположеніе и неудовольствіе, то за такого человѣка всѣ отказываются платить, въ томъ числѣ даже и родственники его; тогда ахуны присуждаютъ такого къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 до 10 лѣтъ. О такомъ приговорѣ ахуновъ староста или аксакаль сообщаетъ чиновнику Хань-ту-сы или Ма-ту-сы, который доноситъ китайскому чиновнику въ Сунхуаченѣ, а послѣдній уже доводитъ до свѣдѣнія высшихъ китайскихъ властей въ г. Сининѣ. Преступника же между тѣмъ заключаютъ въ Сунхуаченскую тюрьму, гдѣ его держатъ впроголодь, и въ то же время китайцы употребляютъ его на работы безъ всякаго, конечно, вознагражденія. Рѣдко случается, чтобы кто выжилъ назначенный срокъ; въ громадномъ большинствѣ случаевъ заключенный умираетъ отъ истощенія и болѣзни, частью вслѣдствіе скудной пищи, а частью

вслѣдствіе ужаснаго устройства китайской тюрьмы. Когда же преступникъ высидитъ положенный срокъ, то онъ или возвращается въ свой домъ, если семья его и односельчане изъявляютъ согласіе принять его опять въ свою среду; въ противномъ случаѣ, онъ уходитъ и пропадаетъ безъ вѣсти.

15. *Выворанія въ добрыхъ и злыхъ духовъ.*—У саларовъ такъ же, какъ и у другихъ народовъ, есть свои представленія и вѣрованія о добрыхъ и злыхъ духахъ. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ.

Тиги-цзы причисляется саларами къ числу добрыхъ духовъ; онъ имѣетъ длинные волосы. Духъ этотъ посылаетъ счастье, довольство и разныя матеріальныя блага. Одно изъ главныхъ занятій его—воровать деньги въ Пекинѣ и приносить въ домъ того салара, котораго онъ полюбилъ. Если Тиги-цзы вымоетъ свои волосы масломъ въ домѣ какого-нибудь салара, то масло уже никогда не переведется въ этомъ домѣ.

Гатан—злой духъ, сжимаетъ сердце людямъ, отчего послѣдніе и умираютъ.

Шийкан—считается безвреднымъ духомъ; онъ показывается людямъ въ видѣ маленькаго огонька.

Пери-тими—злой духъ, принимаетъ видъ животнаго или насѣкомаго, и если онъ попробуетъ крови какого-нибудь человѣка, то обращается въ этого человѣка и, являясь въ его домъ, причиняетъ ему и семейству его много зла. Приведемъ два разсказа про проказы послѣдняго духа, хотя оба эти разсказа почти однородны.

а) Одинъ мулла отлучился на довольно продолжительное время изъ дому; дорогой у него изъ носу пошла кровь; въ это время подползъ паукъ и съѣлъ часть крови. Когда кровотеченіе прекратилось, мулла отправился далѣе, а паукъ, принявъ видъ муллы, пришелъ въ домъ его, гдѣ и встрѣтили его съ радостью, какъ настоящаго хозяина, хотя жена его почему-то долгое время сомнѣвалась въ дѣйствительной подлинности своего мужа. Наконецъ, спустя продолжительное время, возвратился настоящій мулла, но домашніе его не пустили; онъ пожаловался начальству. Въ назначенный для разбора день два муллы, поразительно сходные между собою, явились на судъ, и послѣднему предстояла весьма нелегкая задача—рѣшить, кто изъ нихъ настоящій мулла, а слѣ-

довательно и дѣйствительный хозяинъ оспариваемаго имущества. Трудный споръ разрѣшился тѣмъ, что настоящій мулла, отправляясь въ судъ, захватилъ съ собою двухъ скорпіоновъ, которыхъ и выпустилъ во время самага разгара разбирательства дѣла; одинъ изъ этихъ скорпіоновъ укусилъ мнимаго муллу, и послѣдній снова обратился въ паука.

б) Одинъ купецъ также отправился въ дальнее путешествіе; дорогой у него изъ руки пошла кровь, часть которой и съѣла случившаяся тутъ же мышь. Послѣдняя, превратившись въ купца, вошла въ его домъ, гдѣ и приняли ее, конечно, за настоящаго хозяина и владѣльца. Спустя долгое время, возвратился настоящій хозяинъ, но его не пустили, несмотря на все его самыя убѣдительныя доводы и увѣренія въ подлинности своей личности. Дѣло опять дошло до суда, гдѣ дѣйствительный хозяинъ выпустилъ заранѣе принесенную имъ въ пазухѣ длинношерстную кошку, которая, почуявъ въ мнимомъ купцѣ мышь, бросилась на него, и послѣдній снова сталъ тѣмъ же, чѣмъ былъ, т.-е. мышью.

16. *Антропологическія черты саларовъ.*—Что касается антропологическихъ признаковъ саларовъ, то какъ по словамъ видѣнныхъ нами саларовъ, такъ и по словамъ дунганъ, имѣвшихъ возможность часто съ ними встрѣчаться, въ общемъ салары имѣютъ ростъ средній и ниже средняго, при чемъ послѣдній наиболѣе преобладаетъ, особи же высокаго роста встрѣчаются очень рѣдко. Волосы на головѣ безъ исключенія черныя, жесткія и густыя; цвѣтъ бороды и усовъ черный, но изрѣдка наблюдаются волосы на бородѣ русоватыя или темнорусые, что также наблюдается и у дунганъ; борода и усы также начинаютъ пробиваться поздно на 24—26 г., а у нѣкоторыхъ и еще позже. Растительность на тѣлѣ малая и незначительная. Глаза каріе или темнокаріе, прямые, но встрѣчаются и съ косымъ прорѣзомъ. Изъ видѣнныхъ нами саларовъ одинъ представлялъ собою чистокровнаго тюрка, а другой соединялъ въ себѣ смѣшанныя черты; рядомъ съ тюркскими чертами въ немъ явственно проглядывали и монгольскія: не рѣзко ограниченный съ боковъ расплывающійся лобъ, довольно значительная скуластость, приплюснутый въ корнѣ носъ, средняя часть коего незамѣтно переходитъ въ щеки. Черепа или головы обоихъ видѣнныхъ субъектовъ представляются мало развитыми въ про-

дольномъ направленіи, въ поперечномъ же имѣютъ большіе размѣры, почему короткоголовость ихъ явственно выражена и бросается въ глаза сама собою съ перваго взгляда; затылокъ у обоихъ плоскій, круто спускающійся и сплюснутый; темя короткое, широкое. Верхнія конечности длинныя, нижнія же короткія.

Хотя салары ведутъ замкнутый образъ жизни и отличаются религіознымъ фанатизмомъ, не допускающимъ имъ вступать въ тѣсныя сношенія съ другими сосѣдними племенами, но надо полагать, что между ними можно встрѣтить особей съ признаками, чуждыми тюркской расѣ. Подтвержденіе этому, какъ увидимъ далѣе, находимъ въ томъ, что, по словамъ ихъ самихъ, они вступаютъ въ бракъ съ сифанями или фань-цзами, т.-е. тибетцами, исповѣдующими магометанскую религію; путемъ хотя не частыхъ браковъ съ дунганами, или китайцами-мусульманами, явилось въ саларахъ присутствіе китайской крови, а слѣдовательно и тѣхъ признаковъ, которые свойственны представителямъ монгольскихъ племенъ. Но, несмотря на это, весьма вѣроятно, что въ большинствѣ случаевъ антропологъ встрѣтитъ въ саларахъ представителей чистокровныхъ тюрковъ.

17. *Языкъ.*—Для характеристики языка приводимъ краткій списокъ саларскихъ словъ и фразъ, тщательно записанныхъ В. О. Ладыгинымъ. Благодаря хорошему знанію китайскаго языка и нѣсколькихъ тюркскихъ нарѣчій, г. Ладыгинъ скоро освоился съ особенностями саларскаго нарѣчія, и, такимъ образомъ, ему удалось записать слова и предложенія, кажется, вполне правильно.

отецъ — аба
мать — ичжа
старшій братъ — гага
младшій братъ — ины
старшая сестра — азе
младшая сестра — сыгны
тетка — агуна
дядя — дада
дѣдушка — ай
бабушка — нэна
мужчина — эр-киши
женщина — гадун-киши
мальчикъ — огул
дѣвочка — гыз

домъ — ой
стѣна — дам
поль — јер

потолокъ — эчехъ
садъ — баз
заборъ — дам
лошадь — ат
жеребенокъ — ат кодох
корова — инэх
быкъ — сыхыр
теленокъ — бузу
собака — инч
щенокъ — инч-ху вала
мулъ — лоса
ишакъ — эсех

пшеница — бугузи
ячмень — арфа
овесъ — чодар
горохъ — пича

бобы — махала
лень — ягуз
кукуруза — бога богдү (мало съютъ)
травя — чох

вата — мамух
кожа — тери
матерія — бөзө

ружье — по, ян-по
шашка — гилч, гильш
кинжалъ — чжитун, читун
ножъ — пчах
палочки, которыми ѣдятъ китайцы —
чуко, таранчинское — чокэ, китай-
ское — куэй-цзы
ложка — шинага
казанъ — газан, казан
деревянное блюдо, тарелка — таллар
фарфоровое блюдо — орос таллар
железное блюдо — дэмур таллар

волоса — саш
уши — гулах
носъ — пырнэ
глаза — гөзө
бвльмо — ах
брови — курлюх
переносье — пырнын-зычжи
ноздри — пырнын-гөзы
лицо — жүз
усы — сагалу
борода — чалан гуцззы
голова — баш
губы — додагы
зубы — ч'ш
лобъ — мэнзы
макушка — башин отасы
(по-киргизски — басын ортасы)
рука — гол
кисть (руки) — эль
палець — бырмах
ноготъ — трнах или дрнах
плечо — ягырны
локоть — голун дузеги
бокъ (часть тѣла) — јаны
два бока у человѣка — ишки јаны
скулы — јузун лантар
челюсть — јангагы
затылокъ — энде
грудь — прих агзы
спина — богриги
поясница — вуча
брюхо — хусах
тазъ — кагү
колено — агырчах
голень — горычингерих

ступня — ајаг
ягодицы — ондух дунзы
мужской дѣтородный членъ — чжү-
чжүх
наружные женскіе половые органы —
гөтчи
женскія груди — эмчжех
яички (testiculi) — хошмах
яйца птичьи — јумута

большого роста человѣкъ — чжадах кши
очень высокій (домъ, дерево) — бехъ
јамап нар
(салар. бехъ — высокій, по-киргизски —
біик)
бѣлый — ак или ах
красный — гизыл
желтый — сарык
зеленый — яшилъ
черный — кара
синій — көкь
коричневый — зуньше
злой — ачжих јамап
бѣженный — дерильмиш
нищій — пахкыра или келигучжир
варар
бѣдный, бѣднякъ — јох кши
богатый — боган кши
больной — агырыхчжи кши
здоровый — сах кши
толстый — јоган ямап нар
тонкій — лешки
очень тонкій — лешки јамап нар

я — мэн
меня — мэни
мнѣ — манга
ты — сэн
тебя — сэни
тебѣ — санга
мой — мэниги
твой — сэниги
его — аниги
нашъ — псиниги
вашъ — селиниги
ихъ — уланиги
этотъ — бу
тотъ — ву
мы — псер
вы — слэр
они — вулар
онъ — ву

гора — таг или даг
большая гора — чжадах даг
малая гора — кичи даг
камень — даш

- большой камень — чжадах даш
 маленький камень — кичи даш
 дождь — јачмур
 градъ — дань-цзы
 молоко — сыт
 волкъ — буры
 лисица — тѹлго
 козель — эшку
 медвѣдь — инч-ачжих, или просто
 ачжих
 огонь — от
 свѣча — ла (слово чисто китайское)
 подушка — яттух
 жаровикъ — пиралух
 кольцо — гечжир
 браслетъ — пань-чжир
 бритва — илигуш
 бѣлила — кушель
 румяна — энгелѹк
 писчее перо — гѣлем
 стекло — гуз-гур
 дерево — агаш
 урюкъ — ирѹх
 дунганскій медъ — кара матан, или
 ах матан
 зима — к'ш
 лѣто — и
 (названія для весны у саларовъ вѣтъ)
 серебро — гумуш
 золото — алтун
 мѣдь — ч'ш
 желтая мѣдь — сарык ч'ш
 красная мѣдь — гызыл ч'ш
 свинець — ах-кен
 желѣзо — демур
 сталь — ган
 утро, утромъ — этыйсѣ
 полдень — ойлѣ (это-же выраженіе
 служить и для вечера)
 ночь — гечжилих
 бѣлая рѣдка — ах турма
 рѣдка — гудѹлѹх турма
 капуста — ах јаш
 (для арбуза и дыни служатъ назва-
 нія китайскія)
 Богъ — худа
 буря — буран
 дорога — јолу
 борьба — чалыш-вар
 кровь — кан
 звѣзды — јудуз
 лодка — кеме
 весло — зан
 гребни — зан балла
 хлѣбъ — ѣмех
 мясо — эт, или этун
 супъ — эсуу
- одѣяло — эрган
 книга — китаб
 топоръ — палта
 трауръ — ах киди (въ буквальномъ
 переводѣ значитъ — надѣтъ бѣлое)
 боль — агырыры
 проводникъ — јому башлагу кши
 рисунокъ — чжичжех
 рисовать — чжичжех увала
 писать — пиче
 читать — оха
 дѣлать — јасогур
 любить — нѣлапар
 бояться — харгыр
 одинъ — бир
 два — ишки
 три — уш
 четыре — дѣот
 пять — бѣшъ
 шесть — алыцы
 семь — јецзи
 восемь — секы
 девять — токос
 десять — он
 одиннадцать — он бир
 двѣнадцать — он ишки
 тринадцать — он уш
 четырнадцать — он дѣот
 пятнадцать — он бѣшъ и т. далѣе
 двадцать — жигырье
 тридцать — отус
 сорокъ — гыйрых
 пятьдесятъ — элыли
 шестьдесятъ — агмуш
 семьдесятъ — јогмуш
 восемьдесятъ — сегсэн
 девяносто — догсон
 сто — жѹз
 двѣсти — ишки жѹз
 тысяча — мын
 десять тысячъ — бир занзы
 двадцать тысячъ — ишки занзы
 сто тысячъ — он занзы
 скоро, быстро — нѣнген
 сколько — нече
 много — кѣфъ
 мало — аз
 нѣтъ — јох
 далеко — ирах
 близко — јагын
 откуда — гадан, кайдаъ
 оттуда — аннан
 отсюда — муннаа

Звукъ, выражающій боль, страданіе, произносится такъ: *јейед*, послѣднія двѣ буквы выговариваются слитно. Звукъ этотъ переняли салары отъ китайцевъ.

Названія мужскихъ именъ:

Осману, Гали, Гызыри, Идрису, Ибрагиму, Габуду, Кэриму, Моса, Гейса, Исмаила, Гашиму, Коранши, Эбутали, Лансо, Адамо.

Названія женскихъ именъ:

Аиша, Хэйдичже, Мэриан, Ана, Булиха, Зубиде, Росхыја, Саорям, Эймина, Эйниса.

побилъ — дѣир

онъ меня побилъ — ву мэни дѣир

онъ его побилъ — ву ани дѣир

онъ насъ (людей) побилъ — ву пени кшни дѣир

онъ ихъ побилъ — ву кши вулани дѣир

онъ побилъ твоихъ людей — ву кши сэланиге кшни дѣир

онъ тебя зоветъ — ву сэни чакрыб-барарэ

руби топоромъ — палта-ла чат

ножомъ рѣжь — пичах ла вур

дай лошади травы—ату чоф чой дѣ вер

продай мнѣ пшеницы — манга богдѣ

сохта вер

много-ли у тебя барановъ? — санга

кой нече бар?

много-ли у тебя лошадей? — санга

нече ат бар?

сколько мулловъ?—санганече лоса бар?

сколько ишаковъ? — санга нече

эшех бар?

есть ли верблюды? — санга нече дѣ

вѣ бар?

гдѣ покупаете барановъ, лошадей и ишаковъ? — кой, ат, эшех сахкусы

кайда бар?

отопри двери — гау-унъ айб

запри двери — гау-унъ бехт

выйди — чих да бар

войди — кр да гелъ

дай мнѣ хлѣба — манго эмех вер

дай ему хлѣба — кшеје эмех вер

есть-ли у тебя мясо?—этун бичжал

лола?

мясо есть — эт вар

мяса нѣтъ — эт, чжѣх тур

я хочу ѣсть — мэн аш ишкур

я не буду пить — ишмес

напился — ишиб-дѣйцае

наѣлся — хусук дѣйцае

сколько въ вашей деревнѣ домовъ—

сэни гунъде нече чимсан бар?

сколько школъ—нече чан ленгер бар?

сколько муллъ — нече малла бар?

гдѣ торговцы матерій — бѣсахкусы

кайда бар?

отъ этой деревни до той сколько

верстъ? — бу гунъ ден гѣ нече јол

вар?

покажи дорогу — манга јолу керсе-

те вер

этой-ли дорогой итти или той—у јолу

барар ма, бу јолу барар?

идти этой дорогой — бу јолу барар

здоровъ-ли — сэн јажши ма?

прощай — сэн јажши отыр (букваль-

но: оставайся благополучно)

я не боюсь — мэн харгымас

я боюсь — мэн харгыр

ты боишься — сэн харгып вара

ругать — гурици

мы двое поругались—мэн ишки мис

гуришти

мы не въ ладахъ — мэн ишки мис

јаман дѣр

покупать — алгур, сатуф алгур

если есть продавецъ, я куплю — саг-

кусы бѣса мен алгур

купишь или нѣтъ — сагкумы сагмас?

я куплю — мэн сагкур

я взялъ — мэн алцзы

ты возьми — сэн ал

тотъ взялъ — у алцзы

дай ему — анга вер

мнѣ дай — манга вер

пѣзжай верхомъ — мин да бар

садиться верхомъ на лошадь — ат

минур

бѣгать — југурур

бѣги — југур да бар!

прыгать — сѣгкѣрѣр

прыгни — сѣгкѣрѣр бар

драться — вурушур

дерутся — вурушуп варар

брить голову — баш илигур

побрѣй мнѣ голову—мэниги башим

иль да вер

буря поднимается — буран хопар

очень болить — габет агырыры

не болить — агырых јох тыр

Два молодца борются—јегипшлар чалыш вар. (Слово „јегипшлар“ состоитъ изъ двухъ словъ: „ишки“—два, „ишт-лар“—молодцы, молодые люди).

Возврати (вещь) назадъ — *јандыр* да вер.

Въ вышеприведенныхъ фразахъ употреблялось слово *бар* и *вар*; оба эти слова однозначія, въ переводѣ означаютъ — *есть*.

Вопросительная частица *ми* выражается частицей *ма*, которая ставится въ концѣ предложенія. Такъ, напр.:

Бѣлъ-ли хлѣбъ — эмех *јѣцзи* ма? Бѣлъ — *јѣцзи*.

Отправляешься-ли въ путь — *јолу барацзи* ма? Отправляюсь — *барацзи*.

Вер *или* бер — дай; манга вер *или* бер — дай мнѣ.

Салары не употребляютъ, какъ китайцы и дунгане, слова *ми* (мѣра пространства) и не употребляютъ киргизскаго слова *чакрым*, а говорятъ *јолу*, *јол*, что буквально значитъ *дорога*. Китайцы говорятъ: сколько ли? а салары — сколько дорогъ? разумѣя въ данномъ случаѣ извѣстную, опредѣленную, мѣру разстоянія.

Точки надъ буквами *о* и *у* поставлены потому, что салары эти звуки произносятъ смягченно, какъ нѣмецкія *ö* и *ü*. Звукъ *и* произносится, какъ латинское *h*. Звукъ *э* въ словахъ *мэн*, *сэн* и другихъ слышится не твердо, какъ напр. въ русскомъ языкѣ, а смягченно, и въ саларскомъ произношеніи онъ будетъ скорѣе соответствовать среднему звуку между *е* и *э*.

В. О. Ладыгинъ, на основаніи двухмѣсячнаго своего знакомства съ этими саларами, пришелъ къ заключенію, что конструкція саларскаго нарѣчія вполнѣ тождественна и сходна съ конструкціей таранчинскаго и киргизскаго языковъ. Такъ напр., въ вопросительныхъ предложеніяхъ сказуемое всегда ставится въ концѣ предложенія, а послѣ него уже слѣдуетъ частица *ма*. О близкомъ родствѣ саларскаго нарѣчія съ киргизскимъ высказались здѣсь и другія лица, хорошо знающія какъ киргизскій языкъ, такъ и нѣкоторые другіе, родственные съ нимъ языки.

Въ вышеприведенный списокъ словъ нами не внесены тѣ слова, которыя были уже приведены въ текстѣ самой статьи; какъ во избѣжаніе повторенія, такъ изъ не желанія увеличивать черезъ это объемъ статьи.

Заключеніе: Вопросъ о будущности саларовъ. Вліяніе китайцевъ и сифаней или фанъ-изовъ (тибетцевъ). Несмотря на краткость всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя приведены нами въ настоящемъ очеркѣ, все же на основаніи ихъ, я полагаю, слѣдуетъ приписать саларовъ къ тюркамъ; а къ какому племени они ближе всего подходятъ и какое мѣсто должны занять въ длинномъ ряду членовъ обширной тюркской семьи, это уже рѣшатъ дальнѣйшія антрополого-этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, которыя безспорно прольютъ свѣтъ на многія, быть можетъ, стороны прошлой жизни народовъ Центральной Азіи, и то, что

до сихъ поръ остается для насъ темнымъ и загадочнымъ, получить новое и ясное освѣщеніе. Не будетъ преувеличеніемъ или слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы скажемъ, что слѣды древне-тюркскаго языка, которымъ когда-то говорили уйгуры, вѣроятнѣе всего сохраняются и до настоящаго времени у нынѣшнихъ обитателей крайнихъ предѣловъ восточнаго Туркестана и сѣверо-западной части Китая, у тѣхъ изъ нихъ, которые въ теченіе длиннаго ряда столѣтій жили, да и теперь еще живутъ, въ горныхъ ущельяхъ и трудно доступныхъ долинахъ; забытые другими, болѣе счастливыми своими собратьями, они и сами не вступали почти ни съ кѣмъ изъ нихъ ни въ какія сношенія. Какъ извѣстно, страшныя историческія событія вынуждали когда-то предковъ ихъ занять эти столь суровыя мѣста; однако среди новой природы, въ борьбѣ съ тяжелой нуждой и лишениями, они не пали духомъ, но, ревниво оберегая свое духовное наслѣдство, завѣщанное имъ отдаленными ихъ предшественниками, отстаивая свою самобытность, они сохранили свой родной языкъ и свои нравы въ первобытной ихъ чистотѣ, вмѣстѣ съ воспоминаніями о своемъ прошломъ, а въ свою очередь, также и сами передавали слѣдующимъ поколѣніямъ все то, что они считали для себя дорогимъ и священнымъ. Самый характеръ мѣстности, сдѣлавшейся ихъ новымъ отечествомъ, способствовалъ сохраненію ими своей самостоятельности, правда, развивъ въ нихъ не только замкнутость, но и крайнюю подозрительность и недовѣрчивость, доходящую нерѣдко до враждебности ко всѣмъ другимъ. Прошло нѣсколько длинныхъ столѣтій... Новые, болѣе поздніе народы давно выступили на сцену и заняли блестящее мѣсто въ исторіи, но салары, оставаясь вѣрными своему прошлому, по-прежнему продолжаютъ жить все на тѣхъ же негостепріимныхъ для другихъ, конечно, но дорогихъ для нихъ мѣстахъ, не возбуждая поэтому ни алчности въ окружающихъ ихъ болѣе сильныхъ сосѣдяхъ, ни любознательности и чувства состраданія у далеко живущихъ отъ нихъ и гордыхъ своей высокою цивилизаціей народовъ. До какой степени они игнорировались остальнымъ міромъ, показываетъ уже то, что даже ревностные католическіе миссіонеры считали невыгоднымъ для себя прійти къ нимъ съ своею христіанскою проповѣдью. Скоро ли наступитъ то время, когда и здѣсь появится достойный изслѣдователь, который повѣдаетъ всему образованному міру о

прошлой и настоящей жизни этихъ забытыхъ и заброшенныхъ людей, повѣдаетъ объ ихъ духовныхъ интересахъ и матеріальныхъ нуждахъ, и въ отвѣтъ на этотъ призывъ откликнутся и прійдутъ *люди*, которые братски протянутъ имъ руку помощи, и такимъ образомъ, примиренные съ своимъ тяжелымъ и горькимъ прошлымъ, эти дикари войдутъ въ тѣсное общеніе съ цивилизованнымъ міромъ, и имъ станетъ жить легче? Скоро ли настанетъ столь желанное время?—вопросъ этотъ остается пока открытымъ. Но, въ виду того, что эти мелкія племена порабощаетъ мусульманство, а съ другой стороны, ихъ постепенно поглощаетъ китайская цивилизація, поспѣшить бы не мѣшало...

Несмотря на то, что салары недовѣрчиво и даже враждебно относятся къ китайцамъ, все-же, какъ видно, они не избѣгли ихъ вліянія; много словъ чисто китайскихъ вошло въ ихъ употребленіе; многіе предметы домашняго обихода заимствованы ими отъ китайцевъ же. Хотя вѣроятно все, что все это занесли къ нимъ китайцы-мусульмане, но надо полагать, что заимствование это не прошло безслѣдно для саларовъ, и они заплатились за него потерю нѣкоторыхъ особенностей своей племенной индивидуальности; въ данномъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что даже фанатическій духъ исповѣдываемой ими мусульманской религіи не въ состояніи защитить и оградить ихъ отъ всепорабощающаго вліянія китайской цивилизаціи. Это одна изъ тѣхъ странныхъ и загадочныхъ цивилизацій, которая уже много народовъ, приходившихъ съ нею въ соприкосновеніе, ассимилировала и перевоспитала, обезличивъ ихъ до полной потери всѣхъ ихъ племенныхъ чертъ и особенностей, и такимъ образомъ многіе изъ нихъ безслѣдно и безславно исчезли навсегда въ общемъ потокѣ громадной и знаменитой Желтой рѣки китайцевъ. Случится ли что-либо подобное и съ мусульманами, когда они поглубже и поосновательнѣе ознакомятся съ основаніями и духомъ китайской цивилизаціи?.. Знаменитый нашъ синологъ, профессоръ и академикъ Васильевъ, думаетъ напротивъ: онъ убѣжденъ, что мусульманство выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ китайской цивилизаціей. Желая признать голосъ маститаго ученаго въ данномъ вопросѣ безусловно авторитетнымъ, мы, не считая себя компетентными, отказываемся высказаться опредѣленно въ рѣшеніи его, да это, впрочемъ, не входитъ въ нашу задачу.

Но кромѣ китайцевъ, салары, какъ выше было упомянуто, вступаютъ еще въ частыя сношенія и родство путемъ браковъ съ *сифанями* или *фань-цзями*, т.-е. тибетцами, исповѣдующими магометанство; вліяніе послѣднихъ также не проходитъ безнаказанно какъ для ихъ нравовъ, такъ и для ихъ физическаго типа, а слѣдовательно всего склада ихъ духовной организаціи. Сифани или тибетцы—это, конечно, тангуты¹⁾. Приведемъ собранныя нами краткія свѣдѣнія объ этихъ сифаняхъ.

Къ востоку отъ г. Синина находится пять деревень, которыя китайцы также называютъ саларскими, хотя въ нихъ живутъ вышеупомянутые сифани или фань-цзы. Называютъ ихъ саларами, вѣроятно, потому, что они вслѣдствіе частыхъ браковъ съ настоящими саларами значительно съ ними смѣшались. Эти пять деревень называются еще внѣшними („вай-у-гунь“), тогда какъ первыя восемь деревень называются внутренними („ли-па-гунь“). Это раздѣленіе на внѣшнія и внутреннія произошло, надо полагать, отъ того, что однѣ изъ этихъ деревень занимаютъ болѣе крайніе предѣлы провинціи Ганьсу, а другія находятся внутри ея.

Эти пять деревень носятъ слѣдующія названія: 1) *Баянь-цунь* (Ши-хуй); здѣсь же находится китайская крѣпость *Баянь-жунь*, въ которой помѣщается около тысячи человѣкъ китайскаго войска. 2) *Хэй-чин-цзы-цунь*, 3) *Гань-ду-цунь*, 4) *Каргам-цунь* (около 1600—1700 семействъ) и 5) *Цза-ба-цунь*, раздѣляющаяся на двѣ части: *Нао-сы-ду-цунь* и собственно *Цза-ба-цунь*. Эти деревни тоже дѣлятся на приходы. Деревня Гань-ду-гунь дѣлится на слѣдующіе приходы: 1) Гарсань, 2) Ламу, 3) Сых-сынъ, 4) Чоголонъ, 5) Актамъ, 6) Сугча, 7) Ярлахъ и 8) Тансыганъ.

Въ 60 — 70 верстахъ отъ деревни Цзаба-гунь находится мѣ-

1) „Фань“ — по-китайски „варваръ“, и особаго этнографическаго значенія слово это не имѣетъ. „Си-фанями“, т. е. западными варварами, китайцы называютъ тангутовъ и тибетское племя вообще. Такъ зовутъ говорящихъ тибетскимъ языкомъ, какъ въ провинціи Гань-су, такъ и въ провинціи Сы-чуани, отличая отъ нихъ въ первой егуровъ, говорящихъ монгольскимъ языкомъ, именемъ „хуан-фань“—желтые варвары, а во второй — горныхъ дикарей какаго-то другого, не тибетскаго племени, именемъ „лоло“. Въ настоящей статьѣ д-ра О. Поиркова подъ сифанями разумѣется тотъ самый народъ, который въ книгахъ Пржевальскаго называется *тангутами*.

стечко Салахото или Фый-ди-гунь, которое населено исключительно настоящими саларами; ихъ здѣсь живетъ около двухъ тысячъ семей.

Какъ мы уже упоминали, жители этихъ пяти деревень—не кто иной, какъ тибетцы, принявшіе мусульманство, спустя, будто бы, долгое время по приходѣ сюда настоящихъ саларовъ. Говорятъ сифани смѣшаннымъ языкомъ; кромѣ своего родного тибетскаго языка, они употребляютъ еще персидскій и сартовскій; въ рѣчь ихъ также вошло много китайскихъ словъ; только жители деревни Карга-гунь вполне сохранили свой родной языкъ. Всѣ они молятся частью на арабскомъ, частью на персидскомъ языкѣ. Настоящіе салары выдаютъ за нихъ замужъ своихъ дочерей, а въ свою очередь и сами берутъ отъ нихъ. Вѣроятно, благодаря столь близкому родству, эти сифани называютъ также себя саларами.

Мѣстность, занимаемая этими пятью деревнями, плодородная и вполне удобная для земледѣлія и скотоводства, почему сифани живутъ гораздо зажиточнѣе и богаче, нежели ихъ сосѣди и сородичи салары. Кромѣ земледѣлія и скотоводства, которыми они занимаются въ большихъ размѣрахъ, у нихъ развиты и различныя мастерства; такъ, у нихъ имѣются свои сапожники, столяры, плотники, кузнецы и т. п. Торгующихъ китайцевъ во всѣхъ этихъ деревняхъ, какъ болѣе богатыхъ, очень много. Въ одеждѣ и обычаяхъ сифани сходны съ настоящими саларами, только живутъ большими семьями: дѣти отъ отцовъ не отдѣляются, а живутъ вмѣстѣ, пристраивая общими силами одну-двѣ комнаты для новой семьи; здѣсь нерѣдко можно встрѣтить семьи въ 40—80 человекъ. Семействомъ управляетъ старшій изъ членовъ; первый и всегда рѣшающій голосъ принадлежитъ дѣду, потомъ уже старшему изъ его сыновей и т. д. по старшинству. Живутъ почти всѣ богато, но это имъ, такъ же какъ и саларамъ, не мѣшаетъ заниматься грабежомъ скота у китайцевъ и въ Тибетѣ. По требованію китайскихъ властей, они исполняютъ работы по проведенію арыковъ, производятъ поправку дорогъ и мостовъ и т. д., каковыя работы исполняются цѣлымъ обществомъ.

Подати сифани платятъ хлѣбомъ отъ одного *ду* до 30 *дань* съ семьи, и деньгами отъ 1 до 5 цяней. (*Ду* — около 2 пудовъ, *дань* — около 16 пудовъ, *цянь* — 20 коп.) Такимъ образомъ нѣкоторымъ, правда, очень большимъ семьямъ, приходится платить

около 500 пудовъ хлѣбомъ; отсюда можно заключить, что размѣръ подати, налагаемой на нихъ китайцами, немалый. Салары же, какъ мы сообщали въ своемъ мѣстѣ, по причинѣ ихъ крайней бѣдности, не платятъ никакой подати. За право торговли или за открытіе лавки сифани платятъ; за торговлю скотомъ обыкновенно платятъ съ головы, какъ продающій, такъ и покупающій, тогда какъ у саларовъ всякаго рода торговля производится свободно и они за право ея ровно ничего не платятъ. Отсюда видно, что сифани или фаньцзы находятся подъ большимъ давленіемъ китайцевъ, тѣмъ салары. Въ одной изъ деревень сифаней стоитъ даже китайскій гарнизонъ; они обложены податью; право торговли, покупка и продажа скота—все это находится подъ бдительнымъ присмотромъ китайской власти. У саларовъ ничего подобнаго нѣтъ; напротивъ, они пользуются полною свободою и самостоятельностью, и сами китайцы почти не считаютъ нужнымъ вмѣшиваться въ ихъ жизнь.

Сифани такъ-же, какъ и салары, ненавидятъ китайцевъ; послѣдніе имъ отвѣчаютъ тѣмъ-же и называютъ ихъ „са-хуй“, а кромѣ того, въ насмѣшку прозвали ихъ еще „хуа-чжу“, что значитъ „пестрая свинья“. Обостренныя отношенія, какъ между сифанями и саларами съ одной стороны, такъ и между китайцами съ другой, составляютъ, повидимому, господствующее явленіе, никогда не прекращающееся, а только затихающее на болѣе или менѣе продолжительное время,—почему эти отношенія легко переходятъ въ открытую вражду, кончающуюся почти всегда обоюднымъ кровопролитіемъ. О причинахъ или поводахъ, вызывающихъ враждебныя между ними отношенія, мы говорить не будемъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко; ограничимся только приведеніемъ нѣкоторыхъ сообщенныхъ намъ фактовъ, которые имѣли мѣсто сравнительно въ недавнее время и происходили, такъ сказать, на нашей уже памяти. При этомъ слѣдуетъ добавить, что какъ салары, такъ и сифани, связанные узами родства и религіи, живутъ между собою дружно, почему общаго своего врага—китайцевъ, въ случаѣ грозящей со стороны ихъ опасности, встрѣчаютъ общими силами, и этимъ почти всегда обезпечиваютъ себѣ полный успѣхъ, несмотря на свою малочисленность сравнительно съ китайцами. Такъ, за пятнадцать лѣтъ до дунганскаго возстанія, китайскій чиновникъ, по имени Чи-да-жень, схва-

тиль нѣсколько человѣкъ грабителей-сифаней изъ деревни Хэй-чин-цзы-гунь, и за ихъ вину казнилъ главнаго имама этой деревни и 30 человѣкъ другихъ вліятельныхъ муллъ. Съ этого времени, какъ сифани, такъ и салары, возненавидѣли китайцевъ, и грабежи усилились. Это было, между прочимъ, также одною изъ причинъ присоединенія саларовъ къ дунганскому возстанію. Спустя десять лѣтъ послѣ вышеупомянутаго происшествія, другой китайскій чиновникъ Шенбао-шэн-да-жень, собравъ нѣсколько тысячъ человѣкъ войска, отправился съ цѣлью совершенно уничтожить ненавистныхъ саларовъ; но въ то время, какъ онъ проходилъ съ своимъ войскомъ по одному глубокому и длинному ущелью, имамы и муллы просили небо послать на него погибель, и молитва ихъ была услышана, такъ какъ вскорѣ послѣ этого разразилась страшная гроза, пошелъ проливной дождь, съ горъ стремительными потоками полила вода, которая быстро наполнила собой все ущелье и потопило все войско Шенъ-бао-шэн-да-женя, а самого его убила молнія, и такимъ образомъ, попытка китайцевъ истребить саларовъ не удалась, а это придало имъ мужества и смѣлости, такъ какъ въ этомъ они увидѣли заступничество свыше. Черезъ три года послѣ этого четыре китайскихъ студента, Чжао-чи-сянь, Ма-эр-сюцай, Ва-сюцай, по прозванію Би-ду-гу, и Ха-чэн-сюцай, возбудивъ чернь города Синина и Хэ-чжоу, собрали вооруженную толпу въ нѣсколько саларовъ и сифаней. Саларецъ, по имени Гасан-ахунъ, по прозванію Ма, устроилъ засаду въ одномъ изъ ущелій, заперъ въ немъ эту толпу и истребилъ ее всю вмѣстѣ съ чотырмя студентами. Къ этому же времени сининскій чиновникъ Чжень-тай-цинъ-хэй, собравъ 100 лянъзы войска, направился туда же, но и его постигла печальная участь: онъ также былъ запертъ въ ущельи, солдатъ его изморили голодомъ и принудили къ сдачѣ, все оружіе у нихъ отобрали и всѣхъ ихъ, обезсиленныхъ, раздѣвъ до-нага, отпустили обратно вмѣстѣ съ самимъ Чжень-таемъ, причемъ Гасан-ахунъ сказалъ имъ слѣдующее: „убивать васъ мы не намѣрены, такъ какъ вы пришли сюда не по своей волѣ, а по приказанію высшихъ властей; почему возвращайтесь свободно къ себѣ домой и объявите, что мы, салары, болѣе справедливы, чѣмъ вы, китайцы, всю же одежду и оружіе ваше мы отобрали у васъ въ возмездіе убытковъ, причиненныхъ намъ вашимъ нападеніемъ, и этимъ наказываемъ не васъ, а опять тѣхъ же, которые посла-

ли васъ сюда“. Черезъ 2 года послѣ этого, тотъ-же Чжень-тай-цинъ-хэй объявилъ по всему своему округу, что каждый китаецъ можетъ безнаказанно убивать всякаго мусульманина, гдѣ бы таковой ни встрѣтился. Въ это-то время салары и начали подготавливаться къ возстанію, совпавшему вмѣстѣ съ дунганскимъ возстаніемъ. Всѣ четырнадцать саларскихъ деревень начали дѣло подѣ общимъ начальствомъ саларца изъ деревни Цза-ба-гунь (Наосы-ду-гунь) по имени Гасан-ахуна, по прозванію Ма, который предводительствовалъ ими въ теченіе шести лѣтъ; послѣ его смерти начальствованіе надъ ними взялъ въ свои руки дунганинъ изъ г. Хэ-чжоу по имени Юань-фей Мач-жано, предводительствовавшій также всѣми 14 деревнями въ теченіе восьми лѣтъ. Но здѣсь уже начинается великая кровавая драма, извѣстная подѣ именемъ дунганскаго возстанія, которое продолжалось около 18—19 лѣтъ. Это одна изъ замѣчательнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ тяжелыхъ драмъ въ новѣйшей исторіи, и которая происходила на нашихъ глазахъ,—но объ этомъ мы постараемся сообщить особѣ въ непродлжительномъ времени, такъ какъ часть фактовъ, касающихся до этого возстанія, нами уже собрана, а пока этимъ мы и закончимъ нашъ настоящій очеркъ о саларахъ.

Ө. Поярковъ.

В. Ладыгинъ.